www.kartuz-bereza.com

Кожны пакліканы быць апосталам

КАРТУЗ-БЕРЕЗА

Духовно-просветительский журнал

Номер 15 Ноябрь 2009

Письмо к Богу

(найдено в шинели русского солдата,
погибшего во Вторую мировую войну)

Послушай, Бог... Еще ни разу в жизни
с Тобой не говорил я, но сегодня
мне хочется приветствовать Тебя.
Ты знаешь, с детских лет мне говорили,
что нет Тебя. И я, дурак, поверил.
Твоих я никогда не созерцал творений.
И вот сегодня ночью я смотрел
из кратера, что выбила граната,
на небо звездное, что было надо мной.
Я понял вдруг, любуясь мирозданьем,
каким жестоким может быть обман.
Не знаю, Боже, дашь ли Ты мне руку,
но я Тебе скажу, и Ты меня поймешь:
не странно ль, что средь ужасающего ада
мне вдруг открылся свет и я узнал Тебя?
А кроме этого мне нечего сказать,
вот только, что я рад, что я Тебя узнал.
На полночь мы назначены в атаку,
но мне не страшно: Ты на нас глядишь...
Сигнал. Ну что ж? Я должен отправляться.
Мне было хорошо с Тобой. Еще хочу сказать,
что, как Ты знаешь, битва будет злая,
и, может, ночью же, к Тебе я постучусь.
И вот, хоть до сих пор Тебе я не был другом,
позволишь ли Ты мне войти, когда приду?
Но, кажется, я плачу. Боже мой, Ты видишь,
со мной случилось то, что нынче я прозрел.
Прощай, мой Бог, иду. И вряд ли уж вернусь.
Как странно, но теперь я смерти не боюсь.

Елена Устиловская

Только любовь

Как поверить в Бога? Как понять Его? Как принять то, что Он – Абсолют, Идеал, что Он всемогущ, всегда прав, всегда справедлив, всегда милостив к нам, а главное, что Он сильно любит каждого без исключения человека, даже если человек Его не любит и знать не хочет?

Чего Бог ждет от человека? Только любви. Бог хочет, чтобы человек Его любил. Но как человеку сказать об этом? Как пробраться через препоны неверия и людских сомнений, порожденных грехом?

Ради человека Бог способен на все. Он вступает в контакт с людьми, избирает себе помощников – пророков, чтобы говорить через них. Будда, Конфуций, Заратустра, греческие философы – вот те, кто духовно подготовил мир, в который пришел Иисус Назарянин. Они были Его предтечами, но в строгом смысле слова назвать так можно только израильских пророков.

Бог избирает еврейский народ и заключает с человеком Союз или Завет. Это есть путь к единению человека не с богами, а именно с высшим Началом, пребывающим над Вселенной. Удивительно, что религию Завета исповедовал народ, который не создал могущественной цивилизации, не выделялся в политическом отношении и лишь на короткое время достиг национальной независимости. Однако верность Богу он сумел пронести через долгие столетия своей мучительно трудной истории.

Величественная простота Моисеевой веры и ее заповеди, следовать которым до сих пор оказывается очень нелегко, стали коренным поворотом в религиозном сознании. Самое удивительное в пророках – это тайна их вдохновения. Они не строили никаких гипотез, Бог непосредственно через них возвещал Свою волю. Пророки знали, что Бог, как бы ни был Он велик, связан узами любви со Своим творением, что человек – Его избранник, которому Он Себя открывает. Благодаря пророкам, учение Моисея приобрело черты мировой религии. Главным выражением библейской веры должна быть любовь к Богу, именно она дороже Богу всех пышных ритуалов и жертв.

У Бога есть план спасения для каждого человека без исключения, и есть тысячи возможностей этот план реализовать. Сколько на земле людей – столько путей спасения.

Ксендз Петр Кубицкий

Елена Устиловская

Только любовь

Серьезное *веселого*

Такой юмор я встречала только у своей мамы. Думаю, что именно этим и подкупил меня польский монах с немецкой внешностью. Несколько лет назад я впервые попала на занятия в Дом Святой Троицы в Барановичах. И когда наша группа спустилась в столовую к обеду, брат Корнель вкатил тележку с едой и громко сказал: «Ежьте, только не лопните!» Мы тогда еще не знали, что это была самая безобидная его шутка.

Он шутит всегда. И только со временем понимаешь, что за искрометным юмором скрывается серьезность очень ответственного человека. Позже, узнав этого человека поближе, начинаешь отличать по смешным репликам его настроение, угадывать самочувствие. Он знает много анекдотов и не упустит момента, чтобы не вставить парочку в разговор, даже самый серьезный.

Брат Корнель родился в Польше, где-то под Германией. Видимо, отсюда типично немецкое лицо. Когда ему на это указывают, он совсем не обижается – привык, наверно. Больше десятка лет живет и работает в Беларуси и тесно сотрудничает с католическим журналом «Диалог». Его полное имя – Корнелиуш, а фамилия Консек.

Он профессиональный фотограф. Сказать, что к фотографии брат Корнель относится очень серьезно – это ничего не сказать. Он снимал всегда, с детства, а когда пошел учиться в школу полиграфии, еще больше привязался к фотоделу. И став монахом, не бросил, наоборот, еще лучше стали снимки – глубже, правдивее.

Два года назад появилась идея сделать крупную фотовыставку. Тщательно для нее отбирались фотографии, до мелочей продумывалась последовательность расположения, обсуждались названия образов. Эту выставку брат Корнель назвал «Пятое Евангелие». «Пятое, – говорит, – потому что как-то я услышал, что пятым евангелием называют удивительный мир природы, который нас окружает». Эту выставку смогли посмотреть и белорусы, и поляки. Барановичи, Дятлово, Могилев, Молодечно, Вилейка, Копыль, Старые Дороги – вот лишь некоторые места, где она побывала. И по Польше до сих пор кочует, там ее организацией занимаются монахи-вербисты.

Если в первой выставке преобладают фотографии, на которых запечатлены дивные белорусские места – реки, поля, дороги, заброшенные дома, цветы, выглядывающие из-за забора, то вторая выставка – это целая вереница лиц – молодых и пожилых, веселых и не очень. И дети. Много детей – брат Корнель их любит, и я думаю, не случайно – у него с ними много общего.

Эту выставку фотограф готовил два года и назвал ее «Крыніца жыцця і любові – сям'я», и была она приурочена к III-й Междецизиальной пилигримке семей к санктуарию Матери Божьей в Логишине, проходившей 25 июля. Сам кардинал Казимир Свентек оценил тогда прекрасную работу монаха-фотографа.

А после Логишина работы приехали в Березу. Кстати говоря, березовчане уже знали художника по «Пятому Евангелию», поэтому с радостью работники Галереи искусств приняли фотографа Консека у себя снова.

На мой взгляд, делать по-настоящему хорошие снимки может только тот, кто видит в обычном необычное и наоборот. И напрасно думают некоторые, что удачные кадры – это лишь случайное схватывание чьего-то резкого поворота головы или неожиданного движения глаз. Иногда приходится до боли в руках ждать самого важного момента, сидеть замерев перед занавешенным окном деревенского дома в ожидании, когда в этом окне появится старушка. И потом назвать эту фотографию «Калі ж тыя дзеці прыедуць?».

А одна фотография просто заставила меня обратиться к психологу за консультацией. На ней – ребенок с огромными грустными глазами, из которых катится слеза. А под фотографией название – «Дзеці ад шчасця не плачуць». Оказывается, что на самом деле маленькие дети, в отличие от взрослых, никогда не плачут от счастья.

Меня всегда интересовало, каким же сыном был сам брат Корнель. И разговаривая на эту тему, больше всего тронул рассказ об отце. «Еще будучи совсем молодым, мой отец, – говорит брат Корнель, – перенес инсульт. И у него отказала левая рука. Мы были близки с отцом, и я тогда удивительным образом осознал, что именно я должен стать его второй рукой. А потом отец умер, но я уже работал в то время, домой приезжал нечасто. Хорошо, что рядом с мамой жили мои два брата. А недавно не стало и мамы». У брата Корнеля особенно удачно получаются снимки со стариками.

Среди фотографий есть также одна с необыкновенно богатой биографией. На ней – молодой мужчина с открытым светлым лицом в окружении четырнадцати детей. Мужчина – протестант, живущий в Ратомке, а дети, все четырнад-

увлечение монаха

цать – приемные. Два года назад у мужчины умерла жена, и он теперь сам воспитывает детей. «Он хотел бы жениться второй раз, – рассказывает улыбаясь брат Корнель про своего героя, – но женщины, как только узнают о «богатом приданом», сразу дают отбой». Между тем, всматриваясь в эту фотографию, знаете, абсолютно не возникает горестного чувства. Наоборот, хочется улыбаться, глядя на веселые лица большого семейства.

На мой взгляд, трудно представить, чтобы у веселого человека-творца преобладали грустные работы. Из всех фоторабот мне больше всего понравилось и запомнилось детское лицо с веселой беззубой улыбкой от уха до уха. «Это наш Степа», – прокомментировал брат Корнель.

Когда-то у Андрея Тарковского попросили нарисовать одиночество, и он изобразил детскую мордашку со смеющимся ртом, в котором торчал один зуб.

Ирина Богуш

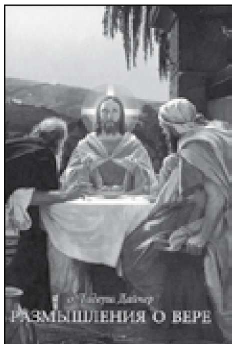

«Добродетель» юмора на службе веры

В книге польского священника Тадеуша Дайчера «Размышления о вере» есть такие строки: «Добродетель» юмора оказывается необходимой для того, чтобы в нас возрастала вера как видение мира в правильном свете. У юмора есть свой покровитель – св. Томас Мор.

Когда ты борешься с волной искушений, волной навязчивых мыслей, способных замучить тебя, не вступай в битву с дьяволом, потому что он сильнее тебя, а постарайся над ним посмеяться, пренебречь им. Высмеивая дьявола, ты наносишь ему самый сильный удар, ибо он, такой смертельно серьезный, очень боится насмешек, поэтому вынужден отступить от тебя.

Христианское чувство юмора поможет тебе и в борьбе с другим противником – твоим собственным «я». Это тоже смертельно серьезный, неприкосновенный и абсолютный идол. Нельзя его трогать, смеяться над ним, нельзя обижать, нельзя критиковать. Ведь на самом деле я – такое маленькое «ничто». Так почему же я делаю себя центром вселенной, почему я считаю свои дела самыми важными? Ведь достаточно было бы посмотреть на все с чуточкой снисходительности, чтобы увидеть что то, о чем я так усиленно забочусь, просто смешно перед лицом этой единственной важной действительности, какой является Бог.

Если ты увидишь комичность ситуаций, в которых твое «я» восседает на троне, то эти ситуации покажутся тебе смехотворными и неопасными. Так ты обличишь свое тщеславие и гордыню, высмеешь и обличишь то, что казалось таким большим и вызывало у тебя страх. Поэтому религиозный прием юмора играет важную роль также в сохранении психического равновесия человека».

Алена Усцілоўская

ЕЗУС МОЖА

Вялікдзень. Людзі ў мястэчку Задомля, як звычайна ў гэты дзень, збіраюцца на лаўках у двары мясцовай царквы, каб традыцыйна пасвяціць каляровыя яйкі і пірог да святочнага стала. З дзвярэй царвы да людзей выходзіць бацюшка, з хваляваннем і пяшчотай глядзіць на фігуру ўкрыжаванага Збаўцы, не так даўно ўстаноўленую пры ўваходзе ў царкву. Збаўцы, які прыйшоў у свет, каб ўскласці на плечы ўвесь цяжар чалавечага граху і несці яго праз стагоддзі...

Кампазіцыя з фігурай укрыжаванага Хрыста называецца «Галгофа». Гэта падарунак царкве, які зрабілі браты Аляксандр і Канстанцін Козел. Аўтарству Аляксандра Козела належыць непасрэдна выява Збаўцы, Канстанціна – крыж. Дакладней будзе сказаць, што ў крыжа два аўтары, бо дапамагае Канстанціну Козелу ў нялёгкай, але плённай працы сын Дзяніс.

Выявы Хрыста на крыжы знаходзяцца не толькі ў вышэй згаданай Задомлі. Ёсць яны ў царкве Марыі Магдалены ў Мінску, а таксама ў Смалявічах. Гэта не проста фігуры, адлітыя з бронзы. Як сцвярджае сам аўтар гэтых выяваў Аляксандр Іванавіч Козел, гэта сведчанне працяглых пошукаў вобраза Хрыста ў яго ўласным жыцці. Стварэнню першай выявы Хрыста, якую сёння можна ўбачыць у двары царквы Марыі Магдалены ў Мінску, папярэднічаў шэраг падзей, якія нельга назваць проста выпадковымі...

Вясна 2002 года. Аляксандру Іванавічу на месяц адклалі аперацыю на сэрца па зусім, здавалася б, несур’езнай прычыне (але ці бываюць у жыцці выпадковасці?). Менавіта ў гэты час малодшы брат Аляксанда Іванавіча Канстанцін прыйшоў да яго з прапановай стварыць кампазіцыю «Галгофа» – выяву ўкрыжаванага Збаўцы. І Аляксандр Іванавіч адразу з такой лёгкасцю пагадзіўся, што нават сам здзівіўся. Не стаў адкладаць працу «на пасля», нягледзячы на даволі хваравіты стан. І гэтага часу хапіла. Сёння Аляксандр Іванавіч здзіўляецца нават: «Ці адчуваў цяжкасці? Не! Толькі пакуты творчасці...» Што з’явілася прычынай для стварэння такой кампазіцыі? На

Даведка

Аляксандр Іванавіч Козел нарадзіўся ў 1951 годзе ў вёсцы Лучынскія Мінскага раена Мінскай вобласці. У 1983 годзе скончыў Мінскае мастацкае вучылішча імя Глебава. З 2002 года з’яўляецца членам Саюза Мастакоў Беларусі. Пастаянны ўдзельнік шматлікіх выставаў, у тым ліку і міжнародных. У 2008 годзе прадстаўляў Беларусь на Міжнародным сімпазіуме па скульптуры, што праводзіўся ў Расіі ў мястэчку Люберцы (Маскоўскі р-н). Працы А.І. Козела знаходзяцца ў прыватных калекцыях ў Аўстрыі, Германіі, Польшчы, Амерыцы, Чэхіі, Літве.

Аўтарству А.І. Козела належаць наступныя скульптуры: «Галгофа» (царква Марыі Магдалены, Мінск), «Галгофа» (Задомля, Мінскі р-н), «Галгофа» (Смалявічы, Мінскі р-н), «Папараць-кветка» («Піянерскі парк», г. Гомель), «Роздум пры свячах» (г. Магілеў), «Фантазія» (г. Магілеў) і інш.

Жыве і працуе ў Мінску. Праваслаўны.

4 октября 2009 года в г. Березе состоялось торжественное открытие храма в честь Архангела Михаила

Фоторепортаж Сергея Боброва

НАРАДЗІЦЦА ў МАЙСТЭРНІ

гэтае пытанне браты адказваюць вельмі проста, але зразумела: *«Калі некалькі чалавек пакладуць на зямлю па камню, атрымаецца дом. Калі кожны з нас пакладзе па духоўнаму камню на глебу нашага жыцця, атрымаецца сапраўны цуд»*. Але спачатку гэты цуд адбудзецца ў жыцці тых, чые сэрцы напоўніліся гэтай духоўнасцю...

Для Аляксандра Іванавіча стварэнне выявы Збаўцы стала сапраўдным пошукам Хрыста ў яго жыцці. Пошук гэты і зараз працягваецца, бо ён несупынны. Кожны шукае Хрыста па-свойму. Аляксандр Іванавіч разумее гэта і спадзяецца, што выява ўкрыжаванага Хрыста не проста будзе стаяць перад царкоўнымі дзвярыма. Будзе напамінам пра Таго, Хто выкупіў нашыя грахі, а яшчэ – светлым арыенцірам на збавенне ад грахоў, якія перашкаджаюць духоўнаму росту. З-за грахоў сённяшнія людзі не бачаць неба... Хай жа Хрыстос вітае людзей, калі яны прыходзяць у царкву не толькі на Вялікдзень!

Задомля, дзе знаходзіцца адна з выяў Хрыста, – мястэчка яшчэ неабжытае. Тут вядзецца актыўнае будаўніцтва. Гледзячы на вялікую колькасць недабудаваных дамоў у Задомлі, можна з упэўненасцю сцвярджаць, што аднойчы тут будуць звінець дзесяткі дзіцячых галасоў. «Шмат людзей будзе жыць тут. Яны будуць хадзіць у царкву, каб славіць Імя Госпада. Каб узносіць свае малітвы да неба. Каб пазбаўляцца ад граху», – прамаўляе Аляксандр Іванавіч з ноткай хвалявання ў голасе.

Алена Усцілоўская

Як фігура з'яўляецца на свет?

1. Спачатку ствараўся каркас фігуры – скелет, які паўтараў контуры фігуры. Галоўнае было пры гэтым – не дапусціць ніякіх скажэнняў. Робяць каркас звычайна са сталі. Падыходзіць для гэтага медзь і латунь.

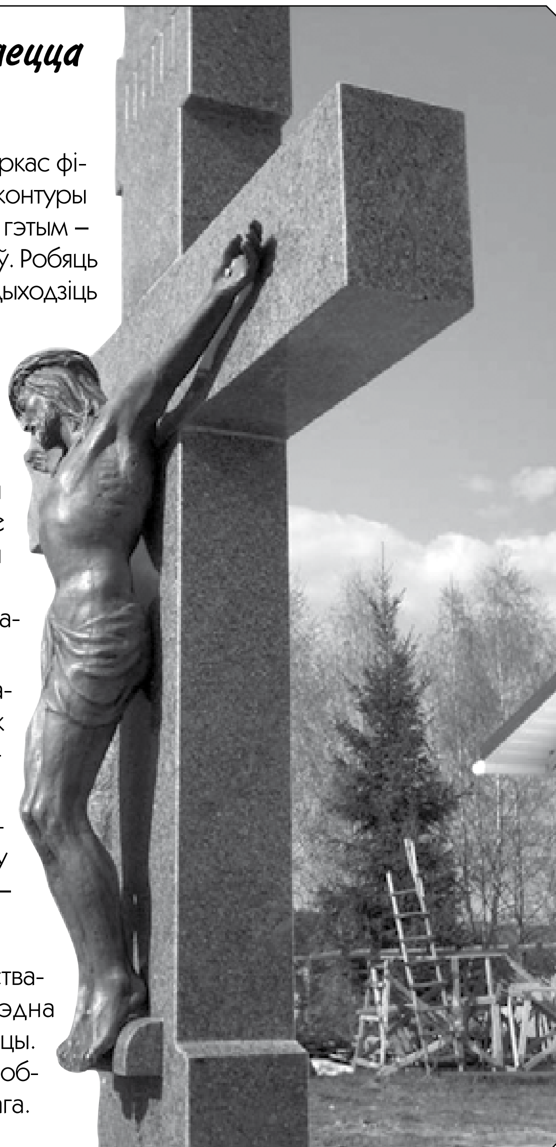
2. Затым каркас быў аблеплены мягкім матэрыялам. У нашым выпадку – самым звычайным пластылінам. Увогуле падыходзіць для гэтага і гліна. На гэтым этапе фігура набыла неабходныя аб'ёмы – мускулатуру.

Гэта атрымалася толькі мадэль.

3. Далей здымалася гіпсавая форма і рабіўся адлівак з воску, які дасканала апрацоўваўся.

4. Затым па кавалках стваралася земляная форма, у якую пасля заліваўся метал – бронза.

Калі гаварыць пра час стварэння фігуры, то непасрэдна фізічная праца заняла 2 месяцы. Праца ж разумовая, пошук вобразу пачаўся задоўга да гэтага.

Алена Усцілоўская

Касцёл у італья

Самалёт прызямліўся амаль-што адразу на другім баку Альпаў, у старажытнай Ламбардыі, паўночнай правінцыі Італіі. У капліцы аэрапорта мяне ўжо чакаў пробашч непадалёкай парафіі дон Руджэро. Адразу кінулася ў вочы сардэчнае ззянне пажылога твару гэтага святара. Абмяняўшыся прывітаннямі і выпіўшы каву (абавязковы падарожны рытуал італьянцаў), мы паехалі ў парафію, дзе мяне чакала знаёмства з сапраўднай правінцыяльнай глыбінкай Касцёла ў Італіі.

Мястэчка Казэнуовэ

Мястэчка Казэнуовэ, куды я прыехаў, уяўляла сабой звычайную італьянскую правінцыю. З паўсотні адна-двухпавярховых катэджаў ззялі на гарачым сонцы ярка-аранжавай чарапіцай дахаў. На вуліцы кінулася ў вочы, што нідзе не было відаць ніякіх вывесак, рэкламных шыльдаў. Некалькі прыватных крамаў, мабыць, не патрабавалі рэкламы, бо ў невялікім мястэчку ўсе і так ведалі, да каго і па якія закупы можна ісці. У цэнтры Казануовэ крыху выдзяляліся пад прыгожымі навесамі дзве мясцовыя кавярні – любімыя месцы для жадаючых пасядзець, нешта распавесці ці проста паслухаць. Гэта такі адмысловы мястэчковы форум. Таксама кінулася ў вочы, што сядзіба мясцовых органаў самакіравання і адміністрацыі была амаль незаўважнай сярод некалькіх светлашэрых шматпавярховак у цэнтры. На фоне ціхага правінцыйнага пейзажу рэзка выдзяляліся на ўскраіне мястэчка, нібы саромеючыся сваёй прысутнасці, некалькі сучасных гатэляў. Але нягледзячы на гэты напамін аб гучнай сучаснай цывілізацыі, усюды панавала цеснае правінцыяльнае суседства, блізкасць вокан, дзвярэй, абавязковых крэслаў і сталоў на маленькіх тэрасах, балконіках ці падворках.

Касцёл і плябанія

Над цаглянымі дахамі мястэчка велічна ўзносілася ўвысь касцёльная вежа. Сам жа касцёл выглядаў вельмі сціпла на фоне светла-крэмавых будынкаў мястэчка, што яшчэ болей падкрэслівала яго зжытасць з дамамі і людзьмі. Фасад касцёла ўпрыгожвалі дзве калоны з дзвюма статуямі святых. Першае, што я для сябе адзначыў, дык гэта тое, што дзверы касцёла не маюць замка і пастаянна адчыненыя. На працягу дня туды заўсёды нехта заходзіў памаліцца. Адсутнасць аховы пазітыўна сведчыла аб адсутнасці праблемы рабаўніцтва. Пазней я пераканаўся ў высокай маральнай культуры і глыбокай узаемапавазе мясцовага люду да кожнага чалавека. Пераступіўшы парог касцёла, я спыніўся ў захапленні. Высокамастацкая шыкоўнасць унутранага ўбранства храма рэзка кантраставала з яго знешняй сціпласцю. Сцены былі пакрыты прыгожым шматкаляровым арнаментным роспісам. У касцёле было некалькі вялікіх абразоў і статуй. Гарманічна ў інтэр'ер упісваўся невялікі, але велічны алтар, ад якога ўвысь уздымалася чырвонааксамітная тканіна, нібы каралеўскай мантыі, завершаная пад купалам вялікай пазалочанай каралеўскай каронай - сімвалам Хрыста-Валадара. Незвычайна для беларускага вока выглядала прысутнасць перад алтаром спецыяльнай падстаўкі з разложанай стылізаванай кнігай Евангелля, раскрытай для наведвальнікаў, каб яны маглі пазнаёміцца і паразважаць над тэкстам, які чытаецца на Літургіі дадзенага дня. Паабапал алтара стаялі шматступеньчатыя падстаўкі са свечкамі, пастаўленымі наведвальнікамі храма. Падсвечнікі і свечкі электрафікаваныя. «Цывілізацыя і тут унесла свае карэктывы», – падумаў я, разглядаючы пластыкавыя свечкі, завершаныя прыгожымі лампадкамі. Адна з парафіянак, якая ўвесь час ціха малілася ў храме, якраз у гэты момант падышла да падсвечніка. На яго ніжняй палічцы яна ўзяла пластыкавую свечку і паставіла ў вольнае гняздо на версе прыстасавання (падсвечніка). «Элек-

нскай правінцыі

З дзённіка святара

тронная» свечка заззяла ўмераным, мяккім святлом. Аднак не ўсё ў святыні было электрафікаваным. Па чатырох краях алтарнай часткі храма віселі старадаўнія велічныя лампады, унутры якіх стаялі запаленыя воскавыя свечкі. Падобная ж лампада мяккай чырванню ззяла і на самім галоўным алтары, напамінаючы наведвальнікам касцёла аб прысутнасці Хрыста ў Святы Дарах у табернакулюме.

За касцёлам віднеўся сціплы будынак плябаніі – дом мясцовага ксяндза. Высокі падмурак сведчыў аб загаспадараванні цокальнага паверха, дзе размясціўся т.зв. «араторый» – залы для правядзення розных дзіцячых і моладзевых мерапрыемстваў. Сама плябанія была арганізавана строга функцыянальна, нічога лішняга. Па абразах і карцінах можна было заўважыць, што кс. Руджэро мае добры мастацкі густ. Гасцінны пакой прывабіў наяўнасцю прадметаў даўніны. Звярнулі на сябе ўвагу таксама памяткі ксяндза з розных місійных паездак па свеце: крыж, падараваны ў Бангладэшы, вобраз Хрыста з Афрыкі, скураная карта з Перу, мармуровы алтарык з Арабіі. Усе гэтыя рэчы сведчылі аб велізарным жыццёвым багажы святара, які за свой доўгі век нёс Божую службу ў розных краінах свету.

«Пастаянны» дыякан

Парафія ў Казэнуовэ сустрэла мяне яшчэ адной неспадзяванкай. Я ўпершыню сустрэўся з т. зв. пастаянным дыяканам. Ведаў, што ў Каталіцкім Касцёле існуюць два тыпы дыяканаў: пастаянныя і часовыя. У нас на Беларусі ёсць толькі часовыя дыяканы (першая ступенька святарства), якія рыхтуюцца да прэзбітэрату (другая ступень святарства), таго, што ў народзе завецца «быць ксяндзом». А на Захадзе па той прычыне, што ксяндзоў мала (у параўнанні з мінулымі гадамі), на дыяканаў пасвячаюць вернікаў, якія жывуць як звычайныя (сямейныя) людзі, але жадаюць асаблівым чынам служыць Богу. Яны паступаюць у семінарыю на спецыяльны курс і прымаюць дыяканскае пасвячэнне. Вядома, да такога служэння дапускаюцца толькі разумныя, пабожныя, высокамаральныя людзі. Паводле каталіцкай традыцыі прэзбітэрам (ксяндзом) можа стаць толькі дыякан, які жыве ў цэлібаце (нежанаты). Таму жанаты кандыдат дапускаецца толькі да першай ступені святарства (дыяканату), але не можа прымаць прэзбітэрату (стаць ксяндзом). Так ён і застаецца пастаянным дыяканам. Дарэчы, калі ў пастаяннага дыякана памірае жонка, ён не можа зноў ажаніцца – павінен заставацца нежанатым. Бо святарства – гэта апошні з усіх сакрамэнтаў, пасля якога не прымаецца ніякі іншы (напр. сакрамэнт сужэнства).

Дыяканаў вучаць завочна ў семінарыі. Пасля парафіі, якія маюць патрэбу, атрымоўваюць памочніка. На першы погляд, пастаянны дыякан – гэта звычайны парафіянін. Але ён можа выконваць многія функцыі ксяндза: гаварыць казанні, катэхізаваць, хрысціць, раздаваць св. Камунію (Прычасце), благаслаўляць як святар. Але не можа спавядаць і адпраўляць св. Імшу.

Гледзячы на таго дыякана, які быў у парафіі мястэчка Казэнуовэ, я хутка зразумеў, што ён проста падарунак для парафіі. Акрамя таго, што ён гаворыць цудоўныя казанні, пробашчу тут не патрэбна клапаціцца аб гаспадарчых справах і бухгалтэрыі – дыякан выдатна спраўляецца з матэрыяльнымі клопатамі. І святар можа поўнасцю аддацца душпастырству, не клапоцячыся пра гаспадарчы бок жыцця парафіі.

Літургія

Зусім неспадзявана ў Ламбардыі я трапіў у мікрарэгіён свету, дзе з першых вякоў хрысціянства захаваўся свой адмысловы спосаб арганізацыі

літургіі. З семінарскіх заняткаў я ведаў, што Ламбардыя мае свой мясцовы, т.зв. амбразійскі, літургічны абрад, як адзін з двух дзесяткаў абрадаў, якія існуюць у Каталіцкім Касцёле. У Беларусі мы маем два каталіцкія абрады: лацінскі (рыма-католікі) і грэчаскі (грэка-католікі, уніяты). А тут – магчымасць практычнага знаёмства з амбразіймкім абрадам.

Першыя пакаленні хрысціян мелі вельмі сціплую форму літургіі. З развіццем хрысціянскай цывілізацыі ў розных частках тагачаснай Рымскай Імперыі пачалі ўзнікаць свае лакальныя спосабы малення ў залежнасці ад культуры (Грэцыя, Сірыя, Афрыка, Рым). З цягам часу паўстала патрэба нейкага нармавання (упарадкавання) літургіі, што і пачалі рабіць вялікія айцы Касцёла. Адным з першых наладжвальнікаў літургічнага парадку быў святы Амбразій Міланскі (3-4 ст.). У сусветную гісторыю ён увайшоў як чалавек, які навярнуў на хрысціянства св. Аўгусціна. У сваіх успамінах Аўгусцін пісаў, што ён канчаткова адкінуў усе сумненні адносна хрысціянства і парваў з сектай маніхейцаў, да якой належаў, дзякуючы казанням і выясненням біскупа Амброзія. Гэты міланскі пастыр вядомы ў гісторыі яшчэ і тым, што ён лічыцца першым чалавекам, які пачаў чытаць не ўслых. Нармальная для нас з'ява чытання вачыма была невядомая старажытным людзям, якія чыталі заўсёды ў голас або шэптам. Амброзій жа здзіўляў усіх тым, што ў прыватным чытанні нават не варушыў вуснамі, а толькі ўважліва ўзіраўся ў тэксты кніг.

Святы Амброзій, нармуючы літургію, стварыў абрад, па якім у паўночнай Італіі нязменна справуецца Літургія ўжо больш за паўтары тысячы гадоў! Агульна гэтая літургія вельмі падобная на лацінскую. Для вернікаў яна будзе адрозніваецца тым, што характарыстычны знак прымірэння, які ў рымскай літургіі адбываецца перад прыняццем св. Камуніі, тут адбываецца пасля «малітвы вернікаў», завяршаючы першую частку св. Імшы – Літургію Слова. Адсутнічае таксама тыповы для лацінскай літургіі спеў «Баранак Божы». Іншыя ж адрозненні тычацца ўжо больш спосабу малення святара.

Мяне прыемна ўразіла высокая актыўнасць і ўдзел парафіянаў у літургіі: старанная падрыхтоўка, хор з дырыжорам, лектары, цырымонімайстар, літургічная служба. У Беларусі чамусьці дарослыя вернікі любяць засланяцца дзецьмі ў справах літургічнага служэння, а нават чытання падчас св. Імшы. А тут – актыўны ўдзел вялікай колькасці сур'ёзных сіньёраў і сіньёр надае літургіі жывасць і паважнасць. На кожную нядзельную або святочную св. Імшу ў парафіі рыхтуюцца спецыяльныя карткі-буклеты з усімі тэкстамі Пісання, малітваў і спеваў. Кожны ўдзельнік Літургіі трымае ў руках такую картку, каб з яе дапамогай актыўна і голасна ўдзельнічаць у супольным маленні.

Кожны раз справуючы Літургію, назіраючы за паводзінамі італьянскіх католікаў, я міжволі параўноўваў іх з нашымі беларускімі парафіянамі. У нас больш нейкага страху, скаванасці, боязі паказаць сябе, заявіць аб сваёй прысутнасці ў храме. Італьянцы ж, наадварот, удзельнічаюць у літургіі з пачуццём уласнай годнасці, з велізарнай пашанай і ветлівасцю да кожнай асобы як да кагосьці вельмі блізкага. Гэтая непасрэднасць кантакту міжземнаморцаў, нейкая свойская настаўленасць да кожнага сустрэчнага, мяне, прызвычаенага да нашай паўночнай стрыманасці, захапляла сваёй ветлівай адкрытасцю. Менавіта такі радасна-ўзнёслы клімат пранікае і храмы, і вернікаў. Як можна не радавацца ў такім месцы?

Касцёл для італьянцаў – гэта месца раднасай сустрэчы з Богам, поўнай надзеі і аптымізму. Гэта месца, дзе для грэшніка адкрываюцца брамы Неба.

Кс. Андрэй Рылка

Фота з архіва аўтара

Дети Марии

Вот уже три года, как в нашем приходе Пресвятой Девы Марии в городе Бресте проходят встречи группы Детей Марии. Это была чудесная задумка Бога и Матери Божьей. И вот почему.

Расскажу немного о нашей истории. В 2006 году ксендз объявил, что можно записаться и ходить по субботам на встречи Детей Марии. Что это за общество и чем оно занимается, конечно же, мало кто знал, поэтому на первую встречу пришло всего четыре человека. Но с того момента произошло настоящее чудо: на каждую последующую встречу начала приходить новая молодежь. Стало очень интересно. Мы разделились на две группы: старшую и младшую. Появилось два аниматора. Сейчас наши занятия делятся на два вида – теоретические и практические.

На теоретических занятиях мы много разговариваем о нашей Небесной Маме, о том, как она помогает нам каждый день приблизиться к Небесному Отцу, о том, как сама Мария в 1830 году явилась сестре милосердия Катрин Лябуре и просила, чтобы образовалась такая группа, которая будет помогать всем, кто нуждается.

А на практических занятиях мы выпускаем стенгазеты на различные темы, делаем своими руками открытки для пожилых, зачастую одиноких людей. Мы навещаем их, помогаем по хозяйству и просто морально поддерживаем, дарим им улыбки и хорошее настроение, ведь это для них так важно. Важно, чтобы о них кто-нибудь вспомнил, пришел, поговорил. Да просто рассказал, какая на улице погода, потому что многие из них уже несколько лет не выходили из дому.

Еще мы занимались детьми, что находятся в социальном приюте. Играли с ними, оказывали посильную гуманитарную помощь. Это так трогательно видеть, как много мы – совсем чужие люди – для них значим.

Наша группа Детей Марии тоже нуждается в духовной «подпитке», и поэтому мы ездим на реколлекции в Варшаву, в монастырь ордена сестер милосердия, которые работают у нас в приходе. Там очень здорово! На Беларуси мы были единственной такой группой, которая составляла всего несколько человек, а в Польше и во всем мире подобных обществ много. И когда видишь, что ты не один, то чувствуешь себя уверенней, появляются новые мысли и идеи. Там мы много молимся, слушаем интересные и поучительные конференции, ведем беседы с сестрами и ксендзами, общаемся и делимся с молодежью накопленным опытом и просто душевно отдыхаем, набираемся сил, чтобы совершать новые добрые дела у себя дома.

К счастью, наша Мамочка всегда помогает нам сражаться с различными трудностями и благодаря этому группа Детей Марии на Беларуси увеличивается. Такие группки, помимо Бреста, уже существуют в Жабинке, Пружанах и в деревне Шерешево.

Каждый год в мае месяце происходит торжественное принятие новых членов группы, которые, осознав все свои обязанности члена общества и всю ответственность, зачитывая специальный акт, отдают себя навсегда Матери Божьей. У каждого принятого есть медальон. На розовой ленте получают медальон те, кто только первый год ходил на наши встречи. На зеленой – те, кто активно участвует в жизни группы и костела и регулярно на протяжении двух лет посещал занятия. И наконец, медальон на голубой ленте у тех, кому еже есть шестнадцать лет, кто проявляет активное участие и три года занимался в группе. В основном это аниматоры.

И хоть история нашей группы еще невелика, но мы хорошо видим, что Господь Бог имеет огромные планы по отношению к нам. Некоторые из Его планов осуществляются, а о некоторых мы даже не догадываемся.

***Анна Русавук** (г. Брест)*

МАЛІТВА АХВЯРАВАННЯ СЯБЕ МАЦІ БОЖАЙ

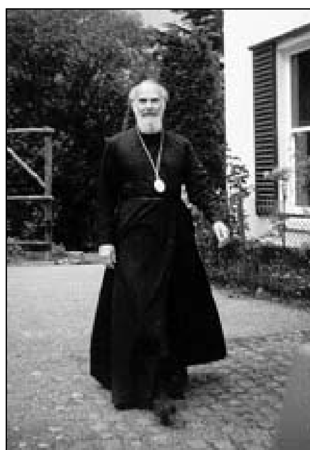
Маці Божая, Беззаганная Марыя! Табе прысвячаю цела і душу маю, усе малітвы, працу, радасць, цярпенні, усё, чым я ёсць, і ўсё, што я маю.

Шчырым сэрцам аддаюся Табе ў няволю любові. Даю Табе поўную свабоду карыстацца мною дзеля выратавання людзей і дзеля дапамогі святому Касцёлу, Маці якога Ты з'ўляешся. Хачу з гэтага часу рабіць усё з Табою, праз Цябе і дзеля Цябе. Ведаю, што ўласнымі намаганнямі нічога не зраблю. Ты ж усё можаш па волі Сына Твайго. І заўсёды перамагаеш. Апякунка верных, учыні, каб мая сям'я, парафія і ўся Айчына сталі сапраўдным Валадарствам Твайго Сына і Тваім Валадарствам. Амэн.

Приступая к беседам для начинающих молитвенный путь, я хочу со всей ясностью оговорить, что не ставлю цель академически объяснить или обосновать, почему надо учиться молитве; в этих беседах я хочу указать, что должен знать и что может сделать тот, кто хочет молиться. Так как сам я – начинающий, я буду считать, что вы тоже начинающие, и мы попытаемся начать вместе. Я не обращаюсь к тем, которые стремятся к мистической молитве или к высшим ступеням совершенства, – «молитва сама проторит дорожку» к ним (святитель Феофан Затворник).

Справка

Митрополит Сурожский Антоний (Блум) родился в 1914 году. Раннее детство провел в Персии, где его отец был российским консулом. После революции семья несколько лет скиталась по Европе и в 1923 году осела в Париже. Будущий митрополит окончил здесь среднюю школу, затем биологический и медицинский факультеты университета. В 1939 году, перед уходом на фронт хирургом французской армии, тайно принес монашеские обеты. В мантию с именем Антоний был пострижен в 1943 году. В годы немецкой оккупации – врач в антифашистском подполье. После войны продолжал медицинскую практику до 1948 года, когда был призван к священству, рукоположен и направлен на пастырское служение в Великобританию. Епископ (1957), митрополит и Патриарший Экзарх в Западной Европе (1966). Освобожден от этой должности по собственному прошению в 1974 году. С тех пор полностью посвятил себя пастырскому окормлению все растущей паствы своей епархии и всех, кто обращался к нему за советом и духовной помощью. Скончался 4 августа 2003 года.

Когда Бога нет

Когда Бог пробьется к нам или мы прорвемся к Богу при каких-то исключительных обстоятельствах, когда повседневность внезапно распахнется перед нами с глубиной, которую мы никогда раньше не замечали, когда в себе самих мы обнаружим глубину, где молитва живет и откуда она может забить ключом – тогда проблем нет. Когда мы ощущаем Бога, то мы стоим лицом к лицу с Ним, мы поклоняемся Ему, мы говорим с Ним. Поэтому одна из очень важных исходных проблем – это положение человека, когда ему кажется, будто Бог отсутствует, и вот на этом я хочу теперь остановиться. Речь не о каком-то объективном отсутствии Бога, – Бог никогда на самом деле не отсутствует, – но о чувстве отсутствия, которое у нас бывает; мы стоим перед Богом и кричим в пустое небо, откуда нет ответа; мы обращаемся во все направления – и Бога нет. Как быть с этим?

Прежде всего, очень важно помнить, что молитва – это встреча, это отношения, и отношения глубокие, к которым нельзя принудить насильно ни нас, ни Бога. И тот факт, что Бог может сделать для нас Свое присутствие явным или оставить нас с чувством Своего отсутствия, уже является частью этих живых, реальных отношений. Если можно было бы вызвать Бога к встрече механически, так сказать, вынудить Его к встрече только потому, что именно этот момент мы назначили для встречи с Ним, то не было бы ни встречи, ни отношений. Так можно встретиться с вымыслом, с надуманным образом, с различными идолами, которые можно поставить перед собой вместо Бога; но это невозможно сделать по отношению или в отношениях с Живым Богом, точно так же, как это невозможно в отношениях с живым человеком. Отношения должны начаться и развиваться именно во взаимной свободе. Если быть справедливым и посмотреть на эти отношения именно как на взаимные, то ясно, что у Бога гораздо больше оснований печалиться на нас, чем у нас – оснований жаловаться на Него. Мы жалуемся, что Он не делает явным Свое присутствие в те несколько минут, которые мы отводим Ему в течение всего дня; но что сказать об остальных двадцати трех с половиной часах, когда Бог может сколько угодно стучаться в нашу дверь, и мы отвечаем: «Извини, я занят», или вообще не отвечаем, потому что даже и не слышим, как Он стучится в двери нашего сердца, нашего ума, нашего сознания или совести, нашей жизни. Так вот: мы не имеем права жаловаться на отсутствие Бога, потому что сами отсутствуем гораздо больше.

Второе важное обстоятельство – то, что встреча лицом к лицу с Богом – всегда суд для нас. Встретив Бога, будь то в молитве, в богомыслии или в созерцании, мы можем быть в этой встрече только либо оправданными, либо осужденными. Я не хочу сказать, что в этот момент над нами произносится приговор конечного осуждения или вечного спасения, но встреча с Богом – всегда критический момент, кризис. «Кризис» – греческое слово, и оно означает «суд». Встреча с Богом лицом к лицу в молитве – критический момент, и слава Богу, что Он не всегда являет нам Себя, когда мы безответственно, беспечно добиваемся встречи с Ним, потому что такая встреча может оказаться нам не по силам. Вспомните, сколько раз Священное Писание говорит о том, что опасно оказаться лицом к лицу с Богом, потому что Бог – сила, Бог – правда, Бог – чистота. И вот, когда мы не чуем, не переживаем ощутимо Божие присутствие, первым нашим движением должна быть благодарность. Бог милостив; Он не приходит до времени; Он дает нам возможность оглянуться на себя, понять, и не добиваться Его присутствия, когда оно было бы нам в суд и в осуждение.

Я вам дам пример. Много лет назад ко мне пришел человек и стал просить: «Покажите мне Бога!». Я сказал, что не могу этого сделать, и прибавил, что если и мог бы, то он не увидел бы Бога. Потому что я тогда думал и теперь думаю: чтобы встретить, увидеть Бога, нужно иметь что-то общее с Ним, что-то, что даст нам глаза, чтобы увидеть, и восприимчивость, чтобы уловить, почуять. Этот человек спросил меня тогда, почему я так о нем думаю, и я предложил ему размыслить и сказать, какое место в Евангелии его особенно трогает, чтобы мне попытаться уловить, в чем его сообразность с Богом. Он сказал: «Да, такое место есть: в восьмой главе Евангелия от Иоанна рассказ о женщине, взятой в прелюбодеянии». Я ответил: «Хорошо, это один из самых прекрасных и трогательных рассказов; а теперь сядьте и подумайте: кто вы в этой сцене? На стороне ли вы Господа и полны милосердия, понимания и веры в эту женщину, которая способна

покаяться и стать новым человеком? Или вы – женщина, которая изобличена в прелюбодеянии? Или один из старейшин, которые все один за другим вышли вон, потому что знали свои грехи? Или же один из молодых, которые колеблются и медлят?». Он подумал и сказал: «Нет, я – единственный из иудеев, который не вышел и стал забивать эту женщину камнями». Тогда я сказал: «Благодарите Бога, что Он не дает вам встретиться лицом к лицу с Ним теперь!».

Это, может быть, крайний пример, но разве он часто не применим к нам? Мы не то что прямо отвергаем слова Божии или Его пример; но мы, пусть не так грубо, поступаем подобно воинам во время страстей Христовых: мы хотели бы закрыть Христу глаза, чтобы без помехи ударить Его, а Он нас не видел бы. Разве не это мы делаем, когда прячемся от Божьего присутствия и поступаем по своей воле, по своим настроениям и прихотям, вопреки тому, что есть воля Божия? Мы пытаемся накинуть покров на Его глаза, но ослепляем только себя самих. Как же мы можем в такие минуты приходить в Его присутствие? Можем, конечно – в покаянии, с сокрушенным сердцем; но нельзя идти, рассчитывая, что мы тут же будем приняты с любовью, как Его друзья.

Вспомните разные места в Евангелии: люди гораздо большего, чем мы, духа не осмеливались принять Христа. Вспомните сотника, который просил Христа исцелить своего слугу. Христос сказал: «Я приду», но сотник ответил: «Не надо – скажи только слово, и слуга мой исцелеет». Так ли мы поступаем? Обращаемся ли мы к Богу, говоря: «Не делай Свое присутствие явным, ощутимым для меня; достаточно, чтобы Ты сказал слово, и «совершится то, что должно; пока мне не надо большего…». Или вспомните Петра в лодке после большого улова рыбы: он упал на колени и сказал: «Оставь меня, Господи, я человек грешный!». Он просил Господа уйти из его лодки, потому что, может быть, впервые испытал смирение; а пережил он чувство смирения, потому что внезапно прозрел величие Христа. Случается ли это когда-либо с нами? Когда мы читаем Евангелие и перед нами встает неотразимая красота и слава образа Христова, когда мы молимся и нас охватывает чувство величия и святости Божией, говорим ли мы когда-нибудь: «Я недостоин, чтобы Ты пришел ко мне»? А что сказать о тех случаях, когда мы должны понимать, что Он и не может прийти к нам, потому что **нас-то** нет, чтобы Его принять; мы хотим получить что-то от Него, а вовсе не Его Самого. Можно ли это назвать отношениями? Так ли мы относимся к друзьям? Ищем ли мы того, что дает дружба, или любим самого друга? И в какой степени это же верно по отношению к Господу?

Теперь подумаем о молитвах, ваших и моих; вспомним, как сильна, горяча, глубока бывает молитва, когда молишься о ком-то, кого любишь, или о чем-то важном для тебя. Сердце открыто, все наше существо собрано и сосредоточено в молитве. Значит ли это, что весь смысл этой молитвы, вся ее сила – во встрече с Богом? Нет; это значит только, что для тебя важен предмет твоей молитвы. Потому что когда после такой горячей, глубокой, напряженной молитвы о любимом человеке или по поводу тревожных обстоятельств мы переходим к следующей теме, которая не так глубоко нас затрагивает, и мы остываем – что изменилось? Бог ли охладел или отошел в сторону? Нет, это просто значит, что вдохновение и напряженность нашей молитвы родились не от Божьего присутствия, не от моей веры в Него, моей тоски по Богу, чуткости к Нему, а лишь оттого, что мое сердце болеет о ком-то, о чем-то – но не о Боге. Как же тогда удивляться, что мы не ощущаем Божьего присутствия? Не Он отсутствует, а нас нет при такой «встрече». Не Он, а наше сердце остывает, потому что Он для нас не так уж много значит.

Иногда Бог «отсутствует» еще и по другой причине. Пока мы подлинны, пока мы являемся самими собой, Бог может присутствовать во встрече и может что-то для нас сделать. Но как только мы напрягаемся быть не тем, что мы есть на самом деле, то для нас ни сделать ничего нельзя, ни сказать; мы становимся фиктивным, подставным существом, а с такой нереальной личностью Бог ничего не может сделать.

Для того чтобы мы могли молиться, мы должны войти в отношения, которые определяются как *Царство Божие*. Мы должны сознавать, понимать, что Он – Бог, что Он – Царь, и отдаться, поручить себя Ему. Мы всегда должны хотя бы помнить о Его воле, даже если пока неспособны ее выполнить. В противном случае, если мы относимся к Богу, как богатый юноша, который не мог последовать за Христом, потому что был слишком богат, – как можем мы тогда встретиться с Ним? Как часто посредством молитвы, посредством глубокого общения с Богом, по Которому мы тоскуем, мы просто ищем для себя немного радости; мы не готовы продать все, чтобы купить взамен драгоценную жемчужину. Как в таком случае можем мы обрести эту жемчужину? Ее ли мы ищем?.. Ведь подобное происходит и в человеческих отношениях: когда мужчина или женщина полюбит кого-то, все остальные люди уже не имеют для него, для нее того же значения. Это выражено в древнем изречении: «Когда у юноши есть невеста, он окружен уже не мужчинами и женщинами, а просто людьми».

Не это ли может, не это ли должно произойти со всяким нашим богатством, когда мы обращаемся к Богу? Не должно ли оно стать своего рода фоном, бледным и серым, на котором со всей рельефностью будет выделяться единственная значительная Личность? Нам хотелось бы иметь один мазок небесной лазури для полноты картины нашей жизни, в которой столько темных сторон. Бог же готов оказаться вне нашей жизни, Он готов взять на Себя всю ее полностью, как крест, но не готов быть просто одним из обстоятельств в нашей жизни.

Так вот, когда мы пришли к выводу, что Бог отсутствует, не следует ли нам поставить перед собой вопрос – кого мы в этом виним? Мы всегда виним Бога, – либо обвиняем Его прямо в лицо, либо жалуемся другим, что Он отсутствует, что Его никогда нет, когда Он нужен, что Он не отзывается, когда к Нему обратишься. Иногда мы более «благочестивы» – именно в кавычках! – и говорим: «Бог испытывает мое терпение, мою веру, мое смирение», и находим множество способов обратить Божий суд о нас выгодной для нас стороной: «Я так терпелив, что могу терпеть даже Самого Бога!». Разве это не так?..

Помню, когда я был молодым священником, я однажды произнес проповедь, одну из многих, произнесенных мною в приходе. После службы ко мне подошла девушка и сказала: «Отец Антоний, вы, наверное, очень плохой человек». Я ответил: «О да, – но как вы об этом узнали?». Она пояснила: «Вы так хорошо описали наши грехи, что, конечно, вы сами их все совершили». Разумеется, дурные мысли и дурные состояния, неприглядное описание которых я вам здесь предлагаю, вероятно, мои собственные, но, может быть, хоть в какой-то мере, все же и ваши.

Если мы хотим молиться, то сначала должны быть убеждены в том, что мы – грешники, нуждающиеся в спасении, что мы отделены от Бога, что не можем жить без Него, и единственное, что мы можем Ему принести, это наша отчаянная тоска о том, чтобы стать такими, какими Бог принял бы нас, принял в нашем покаянии, принял нас с милосердием и любовью. И вот молитва, с самого ее начала, – это наше посильное восхождение к Богу, момент, когда мы поворачиваемся к Богу, не решаясь подойти ближе, зная, что если мы встретим Его слишком

рано, прежде, чем Его благодать поможет нам встретить Его – встреча будет судом. Все, что мы можем сделать, это повернуться к Нему в благоговении, в трепетном преклонении и почитании, на какие мы только способны, со всем вниманием и серьезностью, и просить Его сделать с нами что-то, что даст нам способность встретиться с Ним лицом к лицу, не в суд и не в осуждение, но в жизнь вечную.

Здесь я хотел бы напомнить вам притчу о мытаре и фарисее. Мытарь приходит в храм и стоит позади, у входа. Он знает, что стоит осужденным; он знает, что в категориях справедливости ему надежды нет, потому что он не причастен Царству Божию; он – вне царства правды и праведности или царства любви, потому что не принадлежит ни царству праведности, ни царству любви. Но в той жестокой, уродливой жизни насилия, которая является его жизнью, он научился чему-то, о чем праведный фарисей не имел и понятия. Он научился, что в мире соперничества, в мире хищнических отношений, жестокости и бессердечия, единственное, на что можно надеяться – это на вторжение милосердия, на вторжение сострадания, неожиданное и невероятное, которое не коренится ни в исполнении долга, ни в строе естественных отношений, и которое приостановило бы закономерность жестокости, насилия и бессердечности в повседневной жизни. Мытарь, будучи вымогателем, ростовщиком, хищником, знал из собственного опыта, что бывают моменты, когда безо всякой причины – поскольку это никак не входит в его мировоззрение – он вдруг простит долг, потому что его сердце дрогнуло и стало уязвимым; когда, может случиться, он не предаст кого-то в тюрьму, потому что человеческое лицо что-то ему напомнило или звук голоса коснулся его сердца. Логики в этом нет; это не входит ни в его образ мыслей, ни в его обычный образ действий. Тут, наперекор и вопреки всему, вторгается нечто, чему он не может противиться; и он тоже, вероятно, знает, как часто сам бывал спасен от конечной катастрофы этим вторжением неожиданного и невероятного – милости, сострадания, прощения. И вот он стоит у церковной притолоки, зная, что область внутри храма – область праведности и любви Божией, которой он не принадлежит. Но он по опыту знает, что невероятное сбывается, и тут-то он и говорит: «Помилуй! Нарушь законы справедливости, нарушь законы религии, милостиво сойди к нам, не имеющим права ни на прощение, ни на то, чтобы вступить в эту область». И вот я думаю, что это – исходная точка, от которой мы должны начинать снова и снова, постоянно.

Вы, вероятно, помните место у апостола Павла, где Христос ему говорит: *«Сила Моя в немощи совершается»…* Эта немощь – не та слабость, которую мы обнаруживаем, когда грешим и забываем Бога, но такая слабость, которая означает гибкость до конца, полную прозрачность, всецелое предание себя в руки Божии; обычно же мы стараемся «изо всех сил» и мешаем Богу явить Его силу.

Когда ребенок только начинает учиться писать и не знает, что от него ожидается, то его рука совершенно гибко и послушно управляется рукой матери; как только он вообразит, что понял, и старается «помогать», все идет вкривь и вкось: вот что я имею в виду, когда говорю, что сила Божия совершается в немощи.

Я вам дам пример. Двадцать пять лет тому назад один мой друг, у которого было двое детей, погиб при освобождении Парижа. Дети его не любили меня, ревновали, что у отца есть такой друг, но когда отец умер, они потянулись ко мне – потому что я был другом их отца… И вот его дочь, девочка лет пятнадцати, пришла однажды ко мне в приемную (я был врачом, прежде чем стать священником) и увидела, что рядом с медицинскими принадлежностями у меня на столе лежит Евангелие. Со всей самоуверенностью юности она сказала: »Не понимаю, как может образованный как будто человек верить в такую чепуху». Я ее тогда спросил: «А ты читала?». Она ответила: «Нет». – «Так вот помни: только очень глупые люди судят о вещах, которых не знают». После этого она прочла Евангелие, и оно настолько покорило ее, что вся ее жизнь переменилась, потому что она начала молиться, Бог дал ей испытать Свое присутствие, и она некоторое время жила этим. Потом она заболела неизлечимой болезнью, и когда я уже был священником в Англии, прислала мне письмо, где говорила: «С тех пор, как тело мое начало слабеть и вымирать, дух мой более живой, чем когда-либо, и я ощущаю Божие присутствие так легко и с такой радостью». Я написал ей в ответ: «Не ожидай, что это состояние продлится; когда сил еще убавится, ты не сможешь больше собственным порывом устремляться к Богу, и придет время, когда тебе покажется, что к Богу нет доступа». Через некоторое время она снова мне написала: «Да, вы были правы; я теперь так слаба, что не могу собрать сил, чтобы устремляться к Богу или даже тосковать по Нему, и Бога словно нет».

Я ей тогда ответил, чтобы она попробовала поступить по-другому: научиться смирению в подлинном, глубоком смысле этого слова. На латинском языке humilitas, смирение происходит от слова «humus» – «плодородная земля»; и вот, смирение не заключается в том, чтобы, как мы это постоянно делаем, «прибедняться», и думать и говорить о себе плохое, и убеждать других, будто наши ходульные манеры и есть смирение. Смирение – это состояние плодородной земли; земля всегда у нас под ногами, она самоочевидна, она забыта; по ней мы ходим – и никогда ее не вспомним; она открыта всему, в нее мы кидаем отбросы, все, что нам не нужно. Она безмолвна и все принимает, – и самый навоз, и отбросы она принимает творчески и обращает их в живое и животворное богатство. Она самое разложение претворяет в новую силу жизни; открытая дождю, открытая всякому семени, она приносит плод в тридцать, в пятьдесят и во сто крат.

И я посоветовал этой женщине: «Учись быть такой же перед Богом: отдающейся, не сопротивляющейся, готовой принять и от людей и от Бога, что бы они ни дали». И на самом деле ей пришлось много претерпеть от людей. После шести месяцев ее болезни муж устал от того, что у него умирающая жена, и бросил ее: она с избытком познала отвержение, но и Бог осиял ее Своим светом и послал освежающий дождь. Немного позже она написала: «Я совсем истощена. У меня нет сил устремляться к Богу, но теперь Бог Сам сходит ко мне».

Этот рассказ – не только иллюстрация, он подчеркивает основную мысль: вот та немощь, в которой Бог может явить Свою силу, и вот такая ситуация, когда отсутствие Божие обращается в Его присутствие. Мы не можем насильно завладеть Богом; но если мы стоим, как мытарь или как эта женщина – за гранью того, что «правильно», но в пределах, где царит милосердие, мы можем встретить Бога.

Теперь постарайтесь продумать «отсутствие» Бога, и поймите всем своим существом, что раньше чем стучать в дверь (и это не только дверь Царства в общем смысле, Христос действительно говорит: *«Я есмь дверь»*), надо осознать, что мы находимся вне, снаружи. Если мы по безумию вообразим, что мы уже в Царстве Божием, то, разумеется, и стучаться некуда, остается только глядеть вокруг – где же ангелы, и святые, и предназначенная для нас обитель? И когда мы не увидим ничего, кроме темноты или стен, то вполне справедливо можем удивляться, до чего непривлекателен рай… Надо осознать, что мы еще не в раю, что мы все еще вне Царства Божия, и тогда спросить себя: где же дверь и как в нее стучать?..

По материалам
православного журнала «Фома»

АНГЕЛОЧЕК

Здравствуй, мой дорогой друг!

Ты знаешь, что на земле живет много людей. Они бывают с темным и светлым цветом кожи, разговаривают на разных языках. Некоторые живут в горах, где много солнца. Другие на берегах морей и рек, где много рыбы. Некоторые народы населяют самые отдаленные части земли. Но все они – дети нашего Господа! Иисус любит всех людей, независимо от национальности или места жительства. Мы должны всегда помнить об этом и также сильно любить Бога!

Ответы викторины,
опубликованной в предыдущем номере

1. Иаир.
2. Раздать свое богатство бедным.
3. Воскрешение.
4. Иисус и дьявол. Искушение в пустыне.
5. Распятие.
6. Сотник в Капернауме. В то время его слуга был при смерти.

Победительницей викторины стала **Заранко Наталья** (д. Сигневичи).
ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Счастливый Принц

Оскар Уайльд

Сказка

Перевод К. Чуковского

На высокой колонне, над городом, стояла статуя Счастливого Принца. Принц был покрыт сверху донизу листочками чистого золота. Вместо глаз у него были сапфиры, и крупный рубин сиял на рукоятке его шпаги. Все восхищались Принцем.

Как-то ночью пролетала тем городом Ласточка.

«Где бы мне здесь остановиться? – задумалась Ласточка. – Надеюсь, город уже приготовился достойно встретить меня?»

Тут она увидела статую на высокой колонне.

– Вот и отлично. Я здесь и устроюсь: прекрасное место и много свежего воздуха.

И она приютилась у ног Счастливого Принца.

– У меня золотая спальня! – разнежено сказала она, озираясь.

И она уже расположилась ко сну и спрятала головку под крыло, как вдруг на нее упала тяжелая капля.

– Как странно! – удивилась она. – На небе ни облачка. Звезды такие чистые, ясные, – откуда же взяться дождю? Климат на севере Европы просто ужасен. Мой Тростник любил дождь, но ведь он такой эгоист.

Тут упала другая капля.

– Какая же польза от статуи, если она даже от дождя не способна укрыть. Поищу-ка себе пристанища где-нибудь у трубы на крыше. – И Ласточка решила улететь.

Но не успела она расправить крылья, как упала третья капля.

Ласточка посмотрела вверх, и что же увидела она! Глаза Счастливого Принца были наполнены слезами. Слезы катились по его золоченым щекам. И так прекрасно было его лицо в лунном сиянии, что Ласточка преисполнилась жалостью.

– Кто ты такой? – спросила она.

– Я Счастливый Принц.

– Но зачем же ты плачешь? Ты меня промочил насквозь.

– Когда я был жив и у меня было живое человеческое сердце, я не знал, что такое слезы, – ответила статуя. – Я жил во дворце Sans Souci (Беззаботности (фр.).), куда скорби вход воспрещен. Днем я забавлялся в саду с друзьями, а вечером я танцевал в Большом Зале. Сад был окружен высокой стеной, и я ни разу не догадался спросить, что же происходит за ней. Вокруг меня все было так прекрасно! «Счастливый Принц», – величали меня приближенные, и вправду, я был счастлив, если только в наслаждениях счастье. Так я жил, так и умер. И вот теперь, когда я уже неживой, меня поставили здесь,

наверху, так высоко, что мне видны все скорби и вся нищета моей столицы. И хотя сердце теперь у меня оловянное, я не могу удержаться от слез.

«А, так ты не весь золотой!» – подумала Ласточка, но, конечно, не вслух, потому что была достаточно вежлива.

– Там, далеко, в узкой улочке, я вижу убогий дом, – продолжала статуя тихим мелодическим голосом. – Одно окошко открыто, и мне видна женщина, сидящая у стола. Лицо у нее изможденное, руки огрубевшие и красные, они сплошь исколоты иглой, потому что она швея. Она вышивает страстоцветы на шелковом платье прекраснейшей из фрейлин королевы для ближайшего придворного бала. А в постельке, поближе к углу, ее больное дитя. Ее мальчик лежит в лихорадке и просит, чтобы ему дали апельсинов. Но у матери нет ничего, только речная вода. И вот этот мальчик плачет. Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! Не снесешь ли ты ей рубин из моей шпаги? Ноги мои прикованы к пьедесталу, и я не в силах сдвинуться с места.

– Меня ждут не дождутся в Египте, – ответила Ласточка. – Мои подруги кружатся над Нилом и беседуют с пышными лотосами. Скоро они полетят на ночлег в усыпальницу Великого Царя. Там почивает он сам, в своем роскошном гробу. Он закутан в желтые ткани и набальзамирован благовонными травами. Шея у него обвита бледно-зеленой нефритовой цепью, а руки его как осенние листья.

– Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка. Останься здесь на одну только ночь и будь моей посланницей. Мальчику так хочется пить, а мать его так печальна.

– Не очень-то мне по сердцу мальчики. Прошлым летом, когда я жила над рекою, дети мельника, злые мальчишки, всегда швыряли в меня каменьями. Конечно, где им попасть! Мы, ласточки, слишком увертливы. К тому же мои предки славились особой ловкостью, но все-таки это было очень непочтительно.

Однако Счастливый Принц был так опечален, что Ласточка пожалела его.

– Здесь очень холодно, – сказала она, – но ничего, эту ночь я останусь с тобой и выполню твое поручение.

– Благодарю тебя, маленькая Ласточка, – молвил Счастливый Принц.

И вот Ласточка выклевала большой рубин из шпаги Счастливого Принца и полетела с этим рубином над городскими крышами.

Она пролетела над колокольней собора, где стоят беломраморные изваяния ангелов.

Она пролетела над королевским дворцом и слышала звуки музыки. На балкон вышла красивая девушка, и с нею ее возлюбленный.

– Какое чудо эти звезды, – сказал ей возлюбленный, – и как чудесна власть любви!

– Надеюсь, мое платье поспеет к придворному балу, – ответила она. – Я велела на нем вышить страстоцветы, но швеи такие лентяйки.

Ласточка пролетела над рекою и увидела огни на корабельных мачтах. Она пролетела над Гетто и увидела старых евреев, заключавших между собою сделки и взвешивавших монеты на медных весах.

И наконец она прилетела к убогому дому и заглянула туда. Мальчик метался в жару, а мать его крепко заснула – она так была утомлена. Ласточка пробралась в каморку и положила рубин на стол, рядом с наперстком швеи. Потом она стала беззвучно кружиться над мальчиком, навевая на его лицо прохладу.

– Как мне стало хорошо! – сказал ребенок. – Значит, я скоро поправлюсь. – И он впал в приятную дремоту.

А Ласточка возвратилась к Счастливому Принцу и рассказала ему обо всем.

– И странно, – заключила она свой рассказ, – хотя на дворе стужа, мне теперь нисколько не холодно.

– Это потому, что ты сделала доброе дело! – объяснил ей Счастливый Принц.

И Ласточка задумалась над этим, но тотчас же заснула. Стоило ей задуматься, и она засыпала.

На рассвете она полетела на речку купаться.

– Странное, необъяснимое явление! – сказал Профессор Орнитологии, проходивший в ту пору по мосту. – Ласточка – среди зимы!

И он напечатал об этом пространное письмо в местной газете. Все цитировали это письмо; оно было полно таких слов, которых никто не понимал.

«Сегодня же ночью – в Египет!» – подумала Ласточка, и сразу ей стало весело.

Она посетила все памятники и долго сидела на шпице соборной колокольни. Куда бы она ни явилась, воробьи принимались чирикать: «Что за чужак! Что за чужак!» – и звали ее знатной иностранкой, что было для нее чрезвычайно лестно.

Когда же взошла луна, Ласточка вернулась к Счастливому Принцу.

– Нет ли у тебя поручений в Египет? – громко спросила она. – Я сию минуту улетаю.

– Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! – взмолился Счастливый Принц. – Останься на одну только ночь.

– Меня ожидают в Египте, – ответила Ласточка. – Завтра подруги мои полетят на вторые пороги Нила. Там в камышах лежат гиппопотамы, и на великом гранитном престоле восседает там бог Мемнон. Всю ночь он глядит на звезды, а когда засияет денница, он приветствует ее радостным кликом. В полдень желтые львы сходят к реке на водопой. Глаза их подобны зеленым бериллам, а рев их громче, чем рев водопада.

– Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! – сказал ей Счастливый Принц. – Там, далеко, за городом я вижу в мансарде юношу. Он склонился над столом, над бумагами. Перед ним в стакане увядшие фиалки. Его губы алы, как гранаты, его каштановые волосы вьются, а глаза его большие и мечтательные. Он торопится закончить свою пьесу для Директора Театра, но он слишком озяб, огонь догорел у него в очаге, и от голода он вот-вот лишится чувств.

– Хорошо, я останусь с тобой до утра! – сказала Ласточка Принцу. У нее было предоброе сердце. – Где же у тебя другой рубин?

– Нет у меня больше рубинов, увы! – молвил Счастливый Принц. – Мои глаза – это все, что осталось. Они сделаны из редкостных сапфиров и тысячу лет назад были привезены из Индии. Выклюй один из них и отнеси тому человеку. Он продаст его ювелиру и купит себе еды и дров и закончит свою пьесу.

– Милый Принц, я не могу сделать это! – И Ласточка стала плакать.

– Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! Исполни волю мою!

И выклевала Ласточка у Счастливого Принца глаз и полетела к жилищу поэта. Ей было нетрудно проникнуть туда, ибо крыша была дырявая. Сквозь эту крышу и пробралась Ласточка в комнату. Юноша сидел, закрыв лицо руками, и не слыхал трепетания крыльев. Только потом он заметил сапфир в кучке увядших фиалок.

– Однако меня начинают ценить! – радостно воскликнул он. – Это от какого-нибудь знатного поклонника. Теперь-то я могу закончить свою пьесу. – И счастье было на его лице.

А утром Ласточка отправилась в гавань. Она села на мачту большого корабля и стала оттуда смотреть, как матросы вытаскивают на веревках из трюма какие-то ящики.

– Дружнее! Дружнее! – кричали они, когда ящик поднимался наверх.

– Я улетаю в Египет! – сообщила им Ласточка, но на нее никто не обратил внимания.

Только вечером, когда взошла луна, Ласточка возвратилась к Принцу.

– Я пришла попрощаться с тобой! – издали закричала она.

– Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! – взмолился Счастливый Принц. – Не останешься ли ты до утра?

– Теперь зима, – ответила Ласточка, – и скоро здесь пойдет холодный снег. А в Египте солнце согревает

images.etvnet.ca

зеленые листья пальм и крокодилы вытянулись в тине и лениво глядят по сторонам. Мои подруги вьют уже гнезда в Баальбековом храме, а белые и розовые голуби смотрят на них и воркуют. Милый Принц, я не могу остаться, но я никогда не забуду тебя, и, когда наступит весна, я принесу тебе из Египта два драгоценных камня вместо тех, которые ты отдал. Краснее, чем красная роза, будет рубин у тебя, и сапфир голубее морской волны.

– Внизу, на площади, – сказал Счастливый Принц, – стоит маленькая девочка, которая торгует спичками. Она уронила их в канаву, они испортились, и отец ее прибьет, если она возвратится без денег. Она плачет. У нее ни башмаков, ни чулок, и голова у нее непокрыта. Выклюй другой мой глаз, отдай его девочке, и отец не побьет ее.

– Я могу остаться с тобою еще одну ночь, – ответила Ласточка, – но выклевать твой глаз не могу. Ведь тогда ты будешь совсем слепой.

– Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка, – молвил Счастливый Принц, – исполни волю мою!

И она выклевала у Принца второй глаз, и подлетела к девочке, и уронила ей в руку чудесный сапфир.

– Какое красивое стеклышко! – воскликнула маленькая девочка и, смеясь, побежала домой. Ласточка возвратилась к Принцу.

– Теперь, когда ты слепой, я останусь с тобой навеки.

– Нет, моя милая Ласточка, – ответил несчастный Принц, – ты должна отправиться в Египет.

– Я останусь с тобой навеки, – сказала Ласточка и уснула у его ног.

С утра целый день просидела она у него на плече и рассказывала ему о том, что видела в далеких краях: о розовых ибисах, которые длинной фалангой стоят на отмелях Нила и клювами вылавливают золотых рыбок; о Сфинксе, старом как мир, живущем в пустыне и знающем все; о купцах, которые медленно шествуют рядом со своими верблюдами и перебирают янтарные четки; о Царе Лунных гор, который черен, как черное дерево, и поклоняется большому осколку хрусталя; о великом Зеленом Змее, спящем в пальмовом дереве, где двадцать жрецов кормят его медовыми пряниками; о пигмеях, что плавают по озеру на плоских широких листьях и вечно сражаются с бабочками.

– Милая Ласточка, – отозвался Счастливый Принц, – все, о чем ты говоришь, удивительно. Но самое удивительное в мире – это людские страдания. Где ты найдешь им разгадку? Облети же мой город, милая Ласточка, и расскажи мне обо всем, что увидишь.

И Ласточка пролетела над всем огромным городом, и она видела, как в пышных палатах ликуют богатые, а бедные сидят у их порогов. В темных закоулках побывала она и видела бледные лица истощенных детей, печально глядящих на черную улицу.

Под мостом два маленьких мальчика лежали обнявшись, стараясь согреть друг друга.

– Нам хочется есть! – повторяли они.

– Здесь не полагается валяться! – закричал Полицейский.

И снова они вышли под дождь.

Ласточка возвратилась к Принцу и поведала все, что видела.

– Я весь позолоченный, – сказал Счастливый Принц. – Сними с меня золото, листок за листком, и раздай его бедным. Люди думают, что в золоте счастье.

Листок за листком Ласточка снимала со статуи золото, покуда Счастливый Принц не сделался тусклым и серым. Листок за листком раздавала она его чистое золото бедным, и детские щеки розовели, и дети начинали смеяться и затевали на улицах игры.

– А у нас есть хлеб! – кричали они.

Потом выпал снег, а за снегом пришел и мороз. Улицы засеребрились и стали сверкать; сосульки, как хрустальные кинжалы, повисли на крышах домов; все закутались в шубы, и мальчики в красных шапочках катались по льду на коньках.

Ласточка, бедная, зябла и мерзла, но не хотела покинуть Принца, так как очень любила его. Она украдкой подбирала у булочной крошки и хлопала крыльями, чтобы согреться. Но наконец она поняла, что настало время умирать. Только и хватило у нее силы – в последний раз взобраться Принцу на плечо.

– Прощай, милый Принц! – прошептала она. – Ты позволишь мне поцеловать твою руку?

– Я рад, что ты наконец улетаешь в Египет, – ответил Счастливый Принц. – Ты слишком долго здесь оставалась; но ты должна поцеловать меня в губы, потому что я люблю тебя.

– Не в Египет я улетаю, – ответила Ласточка. – Я улетаю в Обитель Смерти. Смерть и Сон не родные ли братья?

И она поцеловала Счастливого Принца в уста и упала мертвая к его ногам. И в ту же минуту странный треск раздался у статуи внутри, словно что-то разорвалось. Это раскололось оловянное сердце. Воистину был жестокий мороз.

Рано утром внизу на бульваре гулял Мэр Города, а с ним Городские Советники. Проходя мимо колонны Принца, Мэр посмотрел на статую.

– Боже! Какой стал оборвыш этот Счастливый Принц! – воскликнул Мэр.

– Именно, именно оборвыш! – подхватили Городские Советники, которые всегда во всем соглашались с Мэром. И они приблизились к статуе, чтобы осмотреть ее.

– Рубина уже нет в его шпаге, глаза его выпали, и позолота с него сошла, – продолжал Мэр. – Он хуже любого нищего!

– Именно хуже нищего! – подтвердили Городские Советники.

– А у ног его валяется какая-то мертвая птица. Нам следовало бы издать постановление: птицам здесь умирать воспрещается.

И Секретарь городского совета тотчас же занес это предложение в книгу.

И свергли статую Счастливого Принца.

– В нем уже нет красоты, а стало быть, нет и пользы! – говорил в Университете Профессор Эстетики.

И расплавили статую в горне, и созвал Мэр городской совет, и решили, что делать с металлом.

– Сделаем новую статую! – предложил Мэр. – И эта новая статуя пусть изображает меня!

– Меня! – сказал каждый советник, и все они стали ссориться.

Недавно мне довелось слышать о них: они и сейчас еще ссорятся.

– Удивительно! – сказал Главный Литейщик. – Это разбитое оловянное сердце не хочет расплавляться в печи. Мы должны выбросить его прочь.

И швырнули его в кучу сора, где лежала мертвая Ласточка. И повелел Господь ангелу своему:

– Принеси мне самое ценное, что ты найдешь в этом городе. И принес ему ангел оловянное сердце и мертвую птицу.

– Правильно ты выбрал, – сказал Господь. – Ибо в моих райских садах эта малая пташка будет петь во веки веков, а в моем сияющем чертоге Счастливый Принц будет воздавать мне хвалу.

Страничку подготовили Людмила и Светлана Головко

За той лініяй фронту

Асцярожна: секта

Ты спіш, ты не халодны, не гарачы. У нядзелі і святы прыходзіш у касцёл, каб выканаць свой абавязак. Недзе адстаяць, нешта адгаварыць, недзе ўкленчыць. Вакол цябе тысячы людзей не ведаюць Бога, а ты замест таго каб даць сваё сведчанне, ператвараеш сваю веру ў выкананне хрысціянскага фальклору. А тым часам за той лініяй фронту ва ўсім свеце з ранку да вечара несупынна ідзе барацьба за душы. Ідзе вайна. Дзесяткі тысяч ерэтычных місіянераў з розных сектаў шукаюць свае мішэні. І робяць гэта ахвярна і самааддана, бо шчыра вераць у тое, што праўда толькі ў іх. Пакуль ты спіш, яны чуваюць...

Для кожнага маладога чалавека, які належыць да царквы Езуса Хрыста, святых апошніх дзён (гэтак называе сябе секта мармонаў), з'яуляецца вялікім гонарам пакінуць на два гады сваю сям'ю, краіну, працу, адкласці свае планы. Карацей, пакінуць усё дзеля таго, каб вырушыць на місію і распаўсюджваць сваю веру. У 2001-2003 гг. налічвалася 60.000 такіх маладых людзей, раскіданых па ўсім свеце. Зараз іх яшчэ больш. Мармоны хутка распаўсюджваюцца, асабліва на абодвух кантынентах Амерыкі, у Афрыцы і на выспах Акіяніі.

На гэтых старонках я хачу адлюстраваць жыццё і дзеянне мармонскіх місіянераў. Мяркую, што маю на гэта права і нават абавязак, бо я адкапаў гэтую інфармацыю не з кніжак, і не ад знаёмых місіянераў. Я сам служыў на місіі і менавіта там перажыў сваё навяртанне ў праўдзівую хрысціянскую веру. Гэтая інфармацыя ўзята з майго ўласнага жыццёвага вопыту.

Па-першае, варта зазначыць, што на місію едуць нежанатыя маладыя людзі ад 19 да 25 год, тэрмінам на два гады. Гэтыя два гады прысвячаюцца выключна рэлігійнаму жыццю. Сродкі на жыццё місіянеры альбо збіраюць самі перад місіяй (у ЗША і Канадзе), альбо бяруць з місійнага фонду. Увесь свет падзелены на тэрытарыяльныя адзінкі, якія называюцца місіямі. У 2001-2003 гг. налічвалася 333 місіі. На чале кожнай місіі стаіць прэзідэнт, які можа рэгуляваць правілы місіі. І кожны місіянер абавязаны яго слухаць нават у дробязях. Пануе моцная дысцыпліна. Напрыклад, у Новасібірскай місіі нельга было фатаграфаваць на вуліцах і нічога есці ў гасцях, калі цябе частуюць. А на Украіне гэта дазвалялася. Таксама нельга называць сябе па імёнах, толькі прозвішчы. Кожны місіянер мае сан старэйшыны, таму, прадстаўляючыся людзям, перад прозвішчам дадае слова «старэйшына». Яны нават адно да аднаго звяртаюцца «старэйшына». Місіянеры заўжды абавязаны хадзіць удваіх – аднаму забараняецца. Тут ёсць некалькі мэтаў, галоўным чынам бяспека і ажыццяўленне кантролю. Кожны мае напарніка. Нельга падчас місіі глядзець тэлевізар і слухаць свецкую музыку. Жыццё місіянера павінна быць глыбока прасякнута рэлігійным духам. Нельга падчас місіі зарабляць грошы, бо аб усіх патрэбах клапоціцца місія, каб місіянер не адцягваў сваю ўвагу ад той мэты, дзеля якой ён сюды прыехаў. Нават патэлефанаваць дадому бацькам дазваляецца толькі два разы на год, каб не адцягваць увагу ад місіі. Кожныя шэсць тыдняў трэба даваць справаздачу прэзідэнту.

Забараняецца таксама сустракацца з дзяўчатамі, пісаць ім лісты, калі яны знаходзяцца на тэрыторыі той місіі, дзе служыць місіянер, размаўляць сам-насам і нават проста па-сяброўску абняць прадстаўніцу супрацьлеглага полу. Місіянер ніколі не ўвойдзе ў дом, калі жанчына ў доме адна.

Як толькі мармон вырашыць два гады адслужыць на місіі, ён павінен забыцца пра ўсё і засяродзіцца выключна на місіянерскай рабоце. Таму вельмі вялікае значэнне мае расклад дня. Ад яго выканання па сутнасці залежыць плённасць і эфектыўнасць місіі. Фактычна місіянер не можа мець вольнага часу. Адзін раз на тыдзень яму даецца восем вольных гадзін, за якія ён павінен зрабіць усе свае пабытовыя справы: памыць вопратку, прыбрацца ў кватэры, схадзіць на кірмаш, у цырульню, напісаць лісты родным і сябрам і г.д. Гэты вольны дзень мае назву дзень падрыхтоўкі. Увесь астатні час місіянер павінен упарта працаваць, не губляючы ані хвіліны.

Калі я прыехаў на місію, то ў першы дзень прэзідэнт місіі звярнуўся да «навабранцаў» з такімі словамі: «Тут вы будзеце так цяжка працаваць, як ніколі ў жыцці». Гэтак яно і было. Місіянер павінен кожны дзень, нават у адзіны вольны дзень, рана прачынацца (не пазней за 6:30) і першыя чатыры гадзіны аддавацца малітве і вывучэнню. Вывучаюць методыку місіянерскай работы, мову той краіны, дзе служаць, і Біблію разам са сваімі пісаннямі (Кніга Мармона, вучэнні і запаветы» і «каштоўная перліна»), а таксама моляцца. Гэта час падрыхтоўкі перад боем. Наколькі добра місіянер рыхтуецца, настолькі эфектыўна ён будзе дзейнічаць. Пасля сняданку, недзе а дзесятай гадзіне, місіянеры выходзяць на «паляванне» і раней за 21:30 дадому не вяртаюцца. Ставяцца пэўныя мэты, і гэты час выкарыстоўваецца дзеля іх дасягнення. Нельга губляць ані хвілі-

Ганна Маршант

ны. Увесь час павінен быць эфектыўна распланаваны.

Уся місіянерская работа дзеліцца на тры часткі. Першая і самая асноўная – празелітызм. Ходзяць па кватэрах ад дзвярэй да дзвярэй, па вуліцах, стаяць са стэндамі на плошчах, выкарыстоўваюць кожную магчымасць. Другая частка – актывізацыя тых людзей, якія ўжо знаходзяцца у секце. Місіянеры таксама намагаюцца мабілізаваць іх на місіянерскую работу. І трэцяя частка – служэнне. Служэнне павінна быць чатыры гадзіны на тыдзень. Часта гэта дапамога старым,хворым, бездапаможным людзям. Напрыклад, у Сібіры мы з напарнікам рэгулярна наведвалі адну бабульку і прыбіралі ёй снег з даху ды рабілі іншую фізічную працу. Але не ўсё служэнне носіць характар такіх спраў міласэрнасці, за якія нічога не чакаюць узамен. Ёсць у гэтым адна пастка. Калі місіянеры, якія прыехалі з ЗША, бясплатна вучаць студэнтаў ангельскай мове, то ўзамен яны імкнуцца атрымаць іх душы. Вялікая колькасць людзей была ўцягнута ў секту менавіта праз лекцыі па ангельскай мове і сяброўства з місіянерамі.

Як я пісаў вышэй, нельга губляць ані хвіліны. Калі місіянеры ідуць каганебудзь наведаць, то па дарозе, каб не губляць часу, на прыпынку і ў транспарце яны таксама шукаюць «мішэні». Пры гэтым яны карыстаюцца пэўнай методыкай.Галоунае для іх – спачатку ўвайсці ў давер, а далей усё пойдзе лягчэй. Эфектыўны місіянер намагаецца заўважыць у чалавеку ўсё! Няма нічога дзіўнага, калі ён не будзе адразу размаўляць аб рэлігіі, але будзе размаўляць аб жыцці і намагацца высветліць, чым чалавек жыве і цікавіцца. Бо чым больш ведаеш пра чалавека, тым лепш ведаеш, як з ім працаваць.

З імі бессэнсоўна спрачацца, бо яны пазбягаюць спрэчак. Іхні метад – знайсці нешта агульнае і ўчапіцца менавіта за гэта. Ім бессэнсоўна даводзіць нейкія аргументы, штосьці даказваць, бо яны альбо знойдуць контраргументы, альбо, калі не здолеюць іх знайсці, адкажуць вам проста: “Я ведаю, кніга мармона – божае слова, бо я гэта адчуваю ў сваім сэрцы». Гэтае «адчуванне», гэтае «гарэнне ў грудзях» і гэтае «веданне» для мармона ёсць самы вялікі доказ праўдзівасці веры, і ніякімі аргументамі яго не пераканаеш. На ўсё ён адкажа: «Я ведаю, што праўда ў мяне, бо адчуваю гэта ў сэрцы». Мармоны маюць практыку дзяліцца адно з адным «сведчаннямі». Гэта значыць выходзіць і публічна заяўляць аб сваім «веданні», аб тым, што царква праўдзівая, кніга мармона – святое пісанне, а Джозэф Сміт – прарок Бога. Калі гэта бясконца паўтараць самому і чуць ад іншых, то сапраўды пачынаеш «ведаць». Гэта адзін з метадаў замбіравання. Прычым, настолькі моцны, што ў свой час я гатовы быў паміраць за гэтую веру.

Я вырушыў на місію, я аддаў два гады свайго жыцця. Кожны дзень перада мною зачыняліся дзверы, мяне аблайвалі, тысячы разоў называлі сектантам. Кожны дзень я ламаў сябе. Але я «ведаў» і таму ішоў... Ішоў у бой за душы. Ніхто не мог пераканаць мяне, аніводзін чалавек, пакуль Бог Сам не ўмяшаўся і ў адзін момант не зруйнаваў усё маё «веданне». Дагэтуль я быў на Украіне, мне заставалася яшчэ паўгода, і мяне адправілі у Сібір. З гэтага часу я ўжо не мог абвяшчаць людзям кнігу мармона і Джозэфа Сміта. У Сібіры я адкінуў гэта і пачаў абвяшчаць Біблію і Хрыста, праз што меў шмат непаразуменняў з кіраўніцтвам і іншымі місіянерамі.

І напрыканцы хачу сказаць самае галоўнае. Мармоны ніколі не скажуць вам да канца праўды аб сваім веравучэнні! Шмат рэчаў вы даведаецеся, калі будзеце гатовыя іх прыняць, калі будзеце «ведаць»! Вам не скажуць на самым пачатку, што багоў шмат, а наш бог – адзін з іх – у мінулым быў чалавекам і стаўся богам, дасягнуўшы дасканаласці. Што і мы, дасягнуўшы дасканаласці і выканаўшы шэраг умоў, станем багамі і будзем тварыць планеты. Што ў Езуса Хрыста было шмат жонак і іншыя блюзнерствы, пра якія агідна нават пісаць. Вам скажуць толькі тое, што вы гатовыя прыняць зараз.

Яны не спяць, яны чуваюць...

***Мікола Бадрус** (г.Мінск)*

«…кое-что о настоящем счастье»

Папа Иоанн Павел II назвал Бахиту «всеобщей сестрой», приведя удивительный довод: «Через ее посредство Бог поведал нам кое-что о настоящем счастье».

Нет в мире слова более скромного и противоречивого, чем это. Счастье заключено в желании и в сердце всех людей, и оно неистребимо, потому что выражает судьбу, ради которой мы были созданы.

«Зачем Бог создал нас?» – это было одним из первых вопросов старого Катехизиса, и тут же был дан ответ: «Бог создал нас, чтобы мы знали и любили Его, служили Ему в этой жизни, а потом наслаждались Им в Раю».

Каждый как может воображает Рай, пытаясь представить себе счастье, наконец-то достигнутое.

Однако на земле так мало Рая, что мы поместили счастье в мир далекий, потусторонний, все более бесцветный и нереальный.

А в этом мире мы довольствуемся суррогатами: немного удовольствий, кое-какое удовлетворение, радость от успеха. Кто не довольствуется этим, считает, что надо все время увеличивать дозы, как при приеме наркотиков. Но рано или поздно всеми овладевают скука и печаль, до тех пор пока физическое, психическое или духовное страдание не опрокинет нас. И никого нет рядом, по-братски близкого, чтобы научить нас счастью. Наоборот, все более растет число тех, кто и без больших страданий чувствует себя несчастным, мучимым Богом, людьми, жизнью. А если, к тому же, мы поддадимся мирским волнениям, тогда и последние остатки надежды на счастье исчезнут самым жалким образом.

И от этого становится плохо, особенно нам, христианам, потому что мы помним проповедь Иисуса о восьми блаженствах.

Итак, Папа говорит нам, что Бахита может стать «сестрой» всем людям в их продвижении к подлинному счастью, которое проповедовал Иисус.

На первый взгляд, она мало подходила для этого, поскольку принадлежала именно к той огромной армии измученных и несчастных детей, которые, особенно в современную эпоху, подходят в качестве самого ужасного доказательства того, что Бога не существует.

«Что может оправдать Бога за страдание ребенка, невинного создания, кроме того факта, что Он не существует?» – так писал Роже Икор, следуя за размышлениями Достоевского и Камю.

Бахита была одним из таких невинных и страдающих созданий. Она родилась примерно в 1869 году в глухой африканской деревушке в провинции Дарфур (ныне западная провинция Судана). Девочка была внучкой главаря племени и жила в обеспеченной и счастливой семье, занимающейся земледелием и скотоводством. У нее были прекрасные родители, любящие друг друга, три брата – крепких подростка, одна замужняя сестра и одна сестричка-двойняшка.

Но одно воспоминание, разрывающее сердце, осталось у нее на всю жизнь. Когда ей едва исполнилось четыре года, ее старшая сестра была похищена арабскими разбойниками. Сестра, жертвуя собой, успела спрятать маленькую Бахиту в стоге сена. С тех пор она часто вспоминала раздирающие душу крики, возбужденные поиски, отчаяние родителей.

А потом, когда шестилетняя Бахита собирала цветы далеко от ограды хижины, она сама была похищена, и с тех пор у нее в памяти остался только один ужас: ее внезапно схватили, крик замер в горле под угрозой кинжала, потом долгая, в отчаянных рыданиях дорога, длящаяся всю ночь; попытки освободиться и бежать; и хлыст, которым ее хлещут по ногам, чтобы она оставила эту мысль. Потом, на рассвете, прибытие в арабскую деревню, состоящую из маленьких низких домов, и что-то похожее на свинарник, куда ее заперли надолго, на много дней.

Все остальное стерлось из памяти: собственное имя, название родной деревни, имена братьев и даже родителей. Поскольку девочка не помнила своего имени, один из разбойников иронически подсказал другому: «Зови ее Бахита!» А Бахита означает «счастливая, везучая».

После многих дней рыданий и отчаяния начались тяжкие испытания. Прибыл работорговец, который покупал и собирал добычу разных разбойников. Он составил партию из мужчин и женщин, приковав их железными ошейниками к твердой оглобле. Там была еще одна девочка, шедшая рядом с Бахитой. Обе были так малы, что их не стали связывать.

В каждой деревне партия увеличивалась за счет новых похищенных людей. Эпизоды, о которых мы хотим рассказать, были рассказаны самой Бахитой. «Мать несла на руках грудного ребенка. От страха и боли у нее затвердела грудь и пропало молоко, и голодный ребенок плакал не переставая. Хозяин приказал матери заставить ребенка замолчать. Но ребенок продолжал плакать, хозяину это надоело, и он ударил мать. Потом начальник партии вырвал у нее из рук ребенка, его грозный вид не сулил ничего хорошего. Бедная мать с бешеным криком бросилась на араба, но тот, схватив ребенка за ножку, покрутил его в воздухе и ударил головой об огромный камень… От отчаяния мать рассвирепела, она набросилась на убийцу, царапая его ногтями и кусая, как гиена, но он ударил ее хлыстом, и она, потеряв сознание, упала на землю. Тогда начальник добил ее. Несколько мгновений спустя партия продолжила путь». Это было не единственным жутким зрелищем, свидетельницей которого стала девочка.

Вначале судьба двух маленьких рабынь была не слишком суровой. Хозяин оставил их у себя, подарив своим дочерям. Бахита и ее подружка проводили день, как собачонки, сидя на корточках возле своих маленьких хозяек, внимательно следя за их жестами, обмахивая их веером, играя с ними, вызывая восхищение гостей. Но это длилось недолго. Бахита уронила дорогую вазу и разгневала хозяйского сына. Инстинктивно малютка бросилась к своим хозяйкам, ища защиты, но те и пальцем не шевельнули, равнодушно глядя на то, как младший хозяин в гневе бил девочку кулаками, хлыстом, пинал, а потом бросил ее окровавленную на полу. Затем ее швырнули на убогую подстилку, где она провалялась в ли-

whyblackwomenareangry.blogspot.com

хорадке много дней, и никто о ней не заботился. Когда она поправилась, ее продали турецкому генералу.

Девочка уже привыкла к тому, что рабство – это ужасное, но естественное состояние. Так уж устроен мир: есть хозяева, имеющие все права, и рабы, не имеющие никаких прав. Она была рабой, но, поскольку у нее было доброе сердце и мягкий нрав, она не могла даже ненавидеть своих надсмотрщиков.

Дом генерала был адом. Там хозяйничали жена и мать, злые, как мегеры, они отравляли ему жизнь своими постоянными ссорами. И когда генерал не знал, как излить свою досаду, то он, не смея ударить мать или жену, приказывал сечь розгами рабынь до тех пор, пока их тело не превращалось в кровавое месиво.

Но еще более ужасным было решение генеральской жены разукрасить несмываемыми рисунками тела юных рабынь, которые обычно ходили обнаженными. Позвали старуху, которая мукой наметила на теле каждой девушки сложный рисунок: шесть длинных линий на груди, шестьдесят на животе, сорок восемь на правой руке. Потом по рисунку она бритвой стала делать надрезы глубиной около сантиметра. Края открытых ран несколько раз посыпали солью, чтобы шрамы были выпуклыми. Девушек бросили на циновку, несколько дней они были в бреду, и никто даже не позаботился о том, чтобы вытереть им кровь. Пытка была столь жестокой, что многие девушки не выжили. Бахита пришла в себя лишь через два месяца. И через много лет, рассказывая об этой пытке, следы которой сохранились навсегда, она содрогалась и плакала при одном воспоминании.

Но будучи в руках садистов и вынужденная жить среди рабов разного пола, она тем не менее ни разу не подверглась насилию. «Богородица защищала меня, хотя я ее не знала», – скажет потом Бахита с необыкновенной простотой. И, действительно, трудно объяснить, каким образом она была хранима.

Год спустя генерал решил вернуться в Турцию. Он продал почти всех своих рабов. Бахиту купил итальянский консул. Так впервые в жизни Бахита вошла в нормальный дом, к людям, гуманно обращавшимся с ней. И первый раз в своей жизни она смогла надеть на себя изящную тунику – знак целомудрия и свободы. Она помогала горничным в работе по дому, и все были добры к ней. Консул проявил заинтересованность в ее судьбе и предпринял попытки разыскать деревню и родителей негритяночки. Однако девушка была уже не в состоянии дать даже общих сведений о своем происхождении.

Однако и в этом доме с ней никогда не говорили о Боге. Вдали от родины и без миссионерской помощи вера в этих итальянцах почти погасла.

В этом доме часто говорилось о том, как все тоскуют по Италии, и Бахита тоже стала мечтать о ней, желая увидеть эту далекую и неведомую землю, породившую таких добрых людей.

Два года спустя консула срочно отозвали на родину, и она с удивившей всех настойчивостью стала просить хозяев взять ее с собой. Они исполнили ее просьбу. Когда они прибыли в Генуэзский порт, Бахита, опустившись на колени, поцеловала землю. Хозяева удивленно спросили, почему она это сделала, и она ответила, что не знает, просто она счастлива.

Среди встречающих были друзья консула Де Микиели – богатая супружеская пара из Мирано Венето. С ними была их трехлетняя дочь Миммина. Девочке очень понравилась Бахита, и Де Микиели упросили консула подарить им негритянку. Малышка привязалась к ней, как к матери, так что Бахита даже спала в роскошной комнате девочки.

Новые хозяева были атеистами, но свою дочь они все-таки научили читать «Отче Наш», «Аве Мария» и «Слава Отцу и Сыну», и трехлетняя хозяйка заставляла произносить эти молитвы и свою черную мамочку.

Через три года новые хозяева решили переехать на жительство в Африку, и для этого понадобилось несколько предварительных поездок. Хозяева добились того, чтобы Бахиту временно взяли в венецианский Институт оглашенных, содержавшийся каноссианскими монахинями. Вместе с Бахитой пришлось оставить и девочку, которая и слышать не хотела о расставании с ней.

Так началось ее христианское воспитание. Ей было почти двадцать лет, а она не умела ни читать, ни писать. Но она умела слушать. Потом она сама вспомнит: «Настоятельница, преподававшая катехизис, говорила, что я пью доктрину».

Она была подобна жаждущей влаги земле и «была особенно счастлива, когда почувствовала, что Бог увидел ее страдания». Более всего ее трогало, когда говорили, что она дщерь Божья и что Бог ее любит. Пораженная этим, она часто в течение дня оставляла свои дела и бежала к преподавательнице катехизиса, чтобы убедиться в этом: неужели именно она – дочь Божья? Даже если была рабой? Даже если она – черная? И Он действительно любит ее? Даже если у нее ничего нет, чтобы дать Ему взамен?

Она еще не закончила своего образования и не приняла крещения, когда хозяйка вернулась за ней, чтобы увезти в Африку. И здесь началась борьба, напряженность которой мы с трудом может вообразить. Бахита сжилась со своим рабским положением. Кроме того, та девочка, о которой она заботилась последние годы, цепляющаяся за нее и желающая быть с ней во что бы то ни стало, была единственной привязанностью в этом мире. Психологически и по-человечески она не имела никакой возможности сопротивляться. С другой стороны, одна мысль об опасности потерять веру, которую она едва начала вкушать, сделала ее непреклонной.

Это не было желанием или вкусом свободы, как можно было бы предположить. Наоборот, Бахита призналась, что сейчас испытывает большие страдания, чем тогда, когда ее похитили: теперь она должна была отказаться от всего, что узнала и полюбила, а будущее было таким туманным. Монахиня, присутствовавшая при разговоре с хозяйкой, попыталась даже уговорить ее не быть такой неблагодарной и не причинять страданий девочке. Но Бахита чувствовала в себе внутреннюю силу, убеждающую ее остаться: речь шла о вере, которую она только-только начала познавать.

«Я не хочу терять Господа Бога», – сказала девушка, разразившись слезами. И осталась в кротком ожидании своего крещения, часто думая о том, что не достойна его. Ее окрестили 9 января 1890 года, и в тот же день состоялась конфирмация и первое причастие. Ей дали имя Джузеппина Бахита.

После первого причастия она просила у Бога разрешения не оставлять это место, ставшее для нее родным домом. Она почувствовала непреодолимое желание посвятить жизнь своему Богу, как те монахини, которых она уже хорошо узнала и полюбила. Но в глубине души она была уверена, что это невозможно: «Я так страдала, что не могла объясняться. Я чувствовала себя недостойной и, принадлежа к чер-

ной расе, была уверена, что поставлю Институт в неловкое положение и что меня не примут».

Два года спустя, помолясь Мадонне, она набралась смелости поговорить с духовником. Тот поговорил с настоятельницей, которая уже давно заметила, что Благодать коснулась души девушки, но ждала, когда она сама заговорит. Ее приняли, хотя в те годы и в тех местах цветная монашка была не просто редким, но уникальным явлением.

В Скио (предместье Виченцы), куда она приехала в 1902 году и где оставалась до конца жизни, ее ласково называли «мать Моретта» – «Черная матушка», и постепенно, год от года, жители этих мест убеждались, что среди них поселилась святая.

И вот как Бог взрастил плоды благодати в душе этого создания, которое люди сделали рабой. Прежде всего это касалось вопроса о хозяине. Похищенная в шестилетнем возрасте, она стала чем-то вроде одушевленного предмета, который хозяева – большие и маленькие, мужчины и женщины – передавали из рук в руки. Но даже в самые худшие мгновения ей никогда не удавалось возненавидеть их. Она никогда не могла украсть у них и куска хлеба, даже если была голодна. «Меня заставили страдать, – объяснит она потом, – но они поступали согласно привычкам».

Иногда, наблюдая за некоторыми неблаговидными поступками итальянцев, она не боялась заметить, с очень наивной, но железной логикой: «Если бы наши черные слышали о нашем Господе и о Мадонне, они все обратились бы в веру и были бы очень добрыми». Особенно ей хотелось, чтобы ее юные итальянские собеседницы поняли, что вера – это счастье, которым они обладают, в отличие от ее негров. И она часто прерывалась, «представляя радость и восторг, которые испытали бы ее африканцы, получив в дар веру». Вследствие этого она пришла также к мнению о том, что муки рабов это не самое большое страдание в мире, если в конце концов они приводят к познанию Отца Небесного.

Однажды в Болонье, куда настоятельница отправила Бахиту с миссионерскими целями, один студент спросил у нее, что она сделала бы, встретив тех работорговцев, которые ее похитили. Она ответила: «Я встала бы на колени и поцеловала бы им руки, потому что, если бы этого не случилось, я не была бы теперь христианкой и монахиней».

Бахита не позволяла детям говорить, что ее прежние хозяева были злыми: она прощала их, думая о бесконечной доброте Того, Кто Единственный с полным правом мог называться Хозяином. «Мой Хозяин!» – так обычно называла она Бога, и иногда уточняла: «Настоящий Хозяин!» – и была переполнена смирением и любовью.

Поэтому она всегда оставалась спокойной. «Казалось, – замечали некоторые свидетели, – что все для нее было легко, потому что она всегда проявляла расположение и готовность сделать все, что потребуется. Будучи верна самой себе, она всегда улыбалась».

Она стояла перед «бесконечно добрым Хозяином», удивленная, что он выбрал ее, полюбил, как дочь. Казалось, что она жила в состоянии привычного потрясения. Мысленно она снова возвращалась к моменту крещения, когда она не умела даже читать и плохо понимала катехизис. И все повторяла: «Я – Божья дочь, я – бедная негритянка, бедная рабыня». Свидетели говорили, что «она просто терялась при мысли о том, что она дочь Божья».

Но к этому чувству изумления примешалась тысяча мелких и неприятных вещей, важных и для нашего времени, когда проблема расовых различий снова обостряется. Тогда, в начале века, быть негритянской монахиней в Италии значило, главным образом, быть объектом любопытства для больших и маленьких. При монастыре, в котором находилась Бахита, был детский приют. И именно дети первыми отвергли ее.

«Ты пачкаешь мне платьице», – сказала ей одна девочка, гордо вышагивающая в новеньком белом платье – она не хотела, чтобы ее трогали черными руками. «Ты вся грязная, – сказал ей кто-то другой, – завтра я принесу мыло, чтобы отмыть тебя!». Одна девочка отходила от нее, когда Бахита хотела ее приласкать, другая выбрасывала конфеты только потому, что ей дала их эта черная монахиня. А какая-то другая девочка, наоборот, потрогав ее, облизывала себе ручонки, чтобы попробовать, не шоколадные ли они.

Мать Моретта, конечно, страдала, но она понимала детей и впоследствии покоряла их так, что они не хотели с ней расставаться.

Потом очередь дошла до взрослых. Будущий кардинал Дала Коста, прибывший в Скио как протоиерей, служил мессу монахиням. Во время причастия не поняв, что это за черное лицо перед ним, он попросил ее снять вуаль. «Я негритянка, господин», – объяснила Бахита с белоснежной улыбкой.

Во время войны, когда часть монастыря была отведена под военный госпиталь, врач поспешил к Бахите, которая, упав, вывихнула ногу. «Снимите чулок!» – рассеянно сказал ей вечно торопящийся доктор. «Не могу, господин, – возразила мать Моретта, – такой меня сделал Господь».

Эти эпизоды вызывают улыбку, но стоит рассказать о них, ибо они свидетельствуют о достигнутом ею равновесии и даже о безмятежном чувстве юмора, свойственном только внутренне умиротворенным людям.

Одна молоденькая сестричка, только что прибывшая в общину, встретила ее вечером в темном коридоре и испуганно отскочила. «Простите меня, мать, но Вы такая черная!» Бахита отвечала: «Но душа у меня белая, да к тому же в темноте и Вы вовсе не кажетесь белой!»

Однажды в поезде она вызвала любопытство одной глупой и навязчивой синьоры. Услышав, что эта старая черная монашка живет в Италии уже пятьдесят лет, она глупо заметила: «За пятьдесят лет у Вас побелели ладони на руках!» – «Да, – ответила Бахита, показывая ей тыльную сторону рук, – через следующие пятьдесят лет я буду белая и здесь тоже».

В 1923 году мать Моретта заболела воспалением легких. Пришел врач, милый и галантный. Войдя в ее келью, он воскликнул, процитировав «Песнь песней»: «Черна я, но красива!» Бахита была тронута, она прекрасно поняла эти слова по-латыни и ответила: «О, если бы Господь мог так мне сказать!» По словам свидетелей, она жила как бы в ожидании услышать в конце жизни такое приветствие от своего Иисуса.

Церковное начальство распорядилось написать историю матери Моретты еще при ее жизни. Хорошо иллюстрированная книжечка, озаглавленная «Удивительная истории», вышла в свет в 1931 году. Когда ей приказали самой продавать ее у ворот Института, она говорила покупателям: «Кто-нибудь хочет купить за два франка?» Святые похожи друг на друга и по тому, как они сохраняют свою бедность, и кротость, и юмор, когда мир хотел бы превозносить их, но делает это так неумело!

Будучи уже старой, Бахита не могла самостоятельно передвигаться, и иногда сестры оставляли ее в часовне довольно надолго – на два-три часа, свернувшуюся калачиком в кресле-каталке. И когда прибегала забывшая о ней сестра милосердия, она говорила в ответ на ее извинения: «Ну что Вы, ведь я провела время с Ним!» Она считала такую забывчивость подарком, потому что могла остаться в обществе Иисуса.

Ее последними словами были: «Как я довольна… Мадонна… Мадонна!» Так восходила на небо Бахита – сестра, ходатайствующая перед Богом за всех рабов земли.

По книге Антонио Сикари «Портреты святых»

Артуро Мари

Встречи в городе Пинске

- Духовные упражнения для мужчин (от 20 лет и старше)
- Духовные упражнения для министрантов
- Курсы для лидеров и организаторов веселых вечеров
- Курсы для органистов и тех, кто занимается музыкальным оформлением в костелах
- В течение года проходят встречи с Евангелием от Луки
- 22 мая вместе ожидаем Сошествие Святого Духа (концерт)

Информацию о встречах можно получить по тел. 1832439 (кс. Эдуард), на сайте www.padkryzam.com, а также написав на адрес eduardus@tut.by

КАРТУЗ-БЕРЕЗА

Основатель – редакция журнала «Картуз-Береза»
Главный редактор – Ирина Богуш
Компьютерная верстка – Евгений Попко

e-mail: kartuz@mail.by
web: www.kartuz-bereza.com

Журнал издается на пожертвования читателей
Распространяется бесплатно
Выходит 1 раз в 3 месяца
Тираж номера 299

bereza.info

СОДЕРЖАНИЕ

Оксана Богуш

Фотарэпартаж Алены Усціլоўскай

Віншуем!

З гонарам віншуем нашага земляка Паўла Рудзьмана, які 19 верасня шлюбаваў назаўсёды жыццё паводле Статуту і Канстытуцый Кармэлю ў чыстасці, убостве і паслухмянасці, а 20 верасня біскуп Віцебскі Уладзіслаў Блін выбранага брата Паўла пасвяціў у дыяканы.

